

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра «Теория и практика перевода»

(наименование)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки)

Креативные технологии в создании и перевода текста (английский язык)

(направленность (профиль))

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему Применение межкультурной риторики при переводе и создании текстов
культурологической тематики

Обучающийся

А.А. Нестеров

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный

руководитель

кандидат филологических наук, доцент, Ю.В. Ведерникова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Искусство убеждения: риторика, её основы и межкультурные аспекты	9
1.1 Риторика: компоненты и способы убеждения	9
1.2 Межкультурная риторика английского и русского языков: сравнительный анализ и основные понятия.....	20
1.3 Риторические приемы и их использование в культурологических текстах	31
Глава 2 Построение риторически эффективных культурологических текстов	47
2.1 Методология отбора материалов.....	47
2.2 Сохранение риторических стратегий.....	58
2.3 Адаптация риторических приёмов как стилистико-культурных маркеров	71
Заключение	85
Список используемой литературы и используемых источников	87
Приложение А Найденные риторические приёмы.....	96
Приложение Б Исходные и новые тексты.....	101

Введение

Актуальность исследования обусловлена усложнением процессов межкультурной коммуникации и растущим влиянием риторики как искусства убеждения на различные формы дискурса. В современных условиях глобализации перевод культурологических текстов приобретает особую значимость: риторические особенности оригинала должны сохраняться максимально точно для обеспечения эффективного взаимопонимания между представителями разных культур. Изучение межкультурной риторики помогает понять, как национально-культурные особенности влияют на построение аргументации и стратегий убеждения, а также какие приёмы являются наиболее эффективными в разных языковых контекстах.

Научно-теоретическая актуальность исследования связана с необходимостью комплексного анализа риторических стратегий в различных языковых традициях. В отечественной и зарубежной литературе риторика рассматривается как в классических трудах (Аристотель), так и в современных исследованиях по межкультурной риторике и дискурсологии (Р. Каплан, К. Миллер, У. Коннор). Важным направлением является контрастивная риторика, изучающая различия текстовых структур, стилей аргументации и способов убеждения между культурами. Несмотря на это, отсутствует единство представлений о том, каким образом ключевые риторические компоненты (эмос, пафос, логос, кайрос) реализуются в разных языках и как их следует адаптировать при переводе.

Научно-методическая актуальность исследования определяется потребностью в разработке методик анализа и применения риторических стратегий в межкультурной коммуникации. Это особенно важно при переводе культурологических текстов: сохранение риторических особенностей оригинала напрямую влияет на восприятие и понимание перевода целевой аудиторией. Создание соответствующей методологической базы риторического анализа может способствовать повышению точности и выразительности переводного

текста, делая его более адекватным и убедительным для читателей другой культуры.

Несмотря на существование многочисленных исследований по риторике и межкультурной коммуникации, остаются нерешёнными вопросы адаптации риторических стратегий к культурным особенностям целевой аудитории. Основное противоречие заключается между необходимостью сохранить структуру и приёмы убеждения оригинального текста при переводе и культурно-специфическими нормами восприятия в целевой культуре. Это определило **проблему** исследования: каким образом риторические стратегии и приёмы могут быть адаптированы при переводе культурологических текстов, не теряя своей убедительности и выразительности?

Анализ научной литературы выявил следующие **недостатки и противоречия**, обусловившие тему исследования:

- Недостаточна разработанность методик адаптации межкультурных риторических стратегий при переводе культурологических текстов;
- Разноречивость представлений об основных элементах риторической структуры (этнос, пафос, логос, кайрос) в различных языковых традициях;
- Ограниченность практических исследований влияния риторических особенностей оригинала на качество перевода;

Также обнаружены следующие противоречия между:

- стремлением сохранить авторский риторический замысел оригинала и необходимостью учитывать национально-культурные особенности аудитории перевода;
- богатством риторических приёмов исходного текста и ограничениями переводческого процесса (языковыми, жанровыми) при передаче смысла;
- традиционным подходом к переводу как точному следованию оригиналу и потребностью сохранять стратегическую роль убеждения, что требует творческой адаптации текста.

Исходя из перечисленных противоречий сформулирована проблема исследования: каким образом адаптировать риторические стратегии и приёмы

при переводе культурологических текстов, чтобы сохранить их убедительность и выразительность в условиях межкультурного взаимодействия? Обнаруженные противоречия обусловили выбор **темы диссертационного исследования:** «Применение межкультурной риторики при переводе и создании текстов культурологической тематики».

Объект исследования: культурологические тексты о русских городах и их риторика.

Предмет исследования: риторические стратегии и приёмы в русской и англоязычной культурах, их анализ, сравнение и адаптация при переводе.

Цель исследования: определить, обосновать и апробировать риторические стратегии и приёмы, используемые в культурологических текстах.

Гипотеза исследования: использование адаптированных к культурным особенностям риторических стратегий повышает эффективность межкультурной коммуникации; при этом ключевые риторические приёмы (этос, пафос, логос, кайрос) играют решающую роль в убедительности текста, а их адаптация при переводе культурологических текстов позволяет сохранить оригинальную структуру аргументации и повысить качество перевода.

Для достижения поставленной цели выдвинуты следующие **задачи:**

- Определить теоретические основы риторики и её основные компоненты (этос, пафос, логос, кайрос);
- Провести сравнительный анализ риторических стратегий в русской и англоязычной культурах, выявив ключевые сходства и различия;
- Исследовать особенности межкультурной риторики и её влияние на восприятие культурологических текстов в различных языковых традициях;
- Разработать методику анализа и адаптации риторических приёмов при переводе культурологических текстов;
- Апробировать предложенную методику на примере перевода русскоязычных культурологических текстов о российских городах на английский язык.

Теоретической основой исследования послужили:

- классические труды по риторике и теории убеждения (Аристотель, Ю.В. Рождественский, О.Э. Сухарева, Т.Г. Хазагеров);
- исследования в области межкультурной риторики и контрастивного анализа текстов (В.А. Войтенко, А.Д. Палкин, Р. Каплан, У. Коннор);
- концепции сохранения стилистики и национально-культурной специфики в переводе (С.С. Беркнер, Е.С. Власова, О.Е. Вошина);
- когнитивно-лингвистические исследования риторических стратегий (Э.В. Будаев, О.Н. Лагута, Дж. Лакофф, А.Ю. Широких);
- теория риторической ситуации и понятие «кайрос» (Дж. Кинневи, К. Миллер, Т. Рикерт).

Методы исследования включали: теоретические (анализ и синтез научной и учебной литературы по теме, сравнительный анализ и дискурсивный анализ текстов, компаративно-стилистический анализ), эмпирические (контент-анализ русскоязычных и англоязычных культурологических текстов, эксперимент по переводу и адаптации риторических приёмов).

Эмпирическая база исследования – выборка русскоязычных культурологических текстов о российских городах, а также их перевод и адаптация на английский язык.

Основные этапы исследования:

Первый этап (2023 год) – поисково-аналитический. На этом этапе изучалась научная лингвистическая литература и нормативные документы, были подготовлены и изданы публикации по теме исследования. В результате были определены проблема, цель, задачи, объект, предмет исследования.

Второй этап (2024 год) – сбор материалов для исследования, проведение сравнительного анализа риторических стратегий, разработка и апробация методики адаптации риторических приёмов при переводе культурологических текстов;

Третий этап (2025 год) – обобщающий. На этом этапе проводились обработка полученных данных, их анализ и систематизация, оформление магистерской диссертации.

Научная новизна исследования заключается в том, что в рамках работы впервые выполнена комплексная систематизация риторических стратегий (этос, пафос, логос, кайрос) применительно к культурологическим текстам русскоязычного и англоязычного сегментов, а также разработана и апробирована методика их адаптации при переводе, позволяющая сохранить авторский замысел и убедительность оригинала.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении представлений о механизмах межкультурной риторики и обосновании принципов её применения в переводе.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты используются при подготовке переводов русскоязычных культурологических текстов для дальнейшего размещения в зарубежных представительствах Россотрудничества «Русский дом». Эти переводы направлены на продвижение российской культуры в международном пространстве. В работе также выявлены особенности риторики в русской и англоязычной культурных традициях, что позволяет учитывать различия в построении текста и аргументации при создании переводов, ориентированных на англоязычную аудиторию.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Риторические стратегии и приёмы варьируются в зависимости от культурных традиций, что требует их адаптации при переводе.
2. Эффективное межкультурное взаимодействие обеспечивается за счёт целенаправленного использования риторических стратегий и стилистических приёмов.
3. Методическая адаптация риторики при переводе культурологических текстов повышает точность и выразительность переводного текста, улучшая его восприятие аудиторией.

Личный вклад заключается в участии на всех этапах опытно-экспериментальной работы. К личному вкладу можно отнести: изучение научной лингвистической литературы и анализ текущего состояния проблемы; участие и выступление на научно-практических конференциях; подготовку научных тезисов и публикаций по теме исследования; отбор подходящих для исследования текстов; перевод и адаптацию культурологических текстов.

Достоверность результатов исследования обеспечена методологически обоснованной логикой работы, строгим соответствием выбранных эмпирических и аналитических методов заявленному предмету и задачам исследования.

Апробация. Результаты научных изысканий опубликованы в сборниках научных статей и выступлениях на конференциях различного уровня: «Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция "Молодежь. Наука. Общество – 2023" (Тольятти, 2023); «Студенческие дни науки в ТГУ – 2024» (Тольятти, 2024); «Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция "Молодежь. Наука. Общество – 2024" (Тольятти, 2024); «Самарская областная студенческая научная конференция – 2025» (Самара, 2025).

Структура исследования: работа состоит из введения, двух глав (теоретической и практической), заключения и списка литературы. Диссертация включает 3 таблицы и 5 рисунков иллюстративного характера, список литературы (89 источников, в том числе 45 иноязычных) и два приложения. Основной текст работы изложен на 94 страницах.

Глава 1 Искусство убеждения: риторика, её основы и межкультурные аспекты

1.1 Риторика: компоненты и способы убеждения

В последние годы риторика становится важным инструментом для изучения языковых и культурных различий. Риторика часто задействуется в рамках философии, так как она напрямую связана с поиском истины, аргументацией и этикой. Также её используют в качестве основы для академического письма [20, с. 118-120]. Кроме того, риторика обладает большим потенциалом для использования в переводе и переводоведении. Именно риторику текста и его создателя пытаются сохранить специалисты при переводе. С.С. Беркнер отмечал, что «главным критерием оценки художественного перевода является не только близость к тексту оригинала, но и сохранение стиля произведения и индивидуального стиля автора» [1, с. 73]. В работах более современных авторов также прослеживается тенденция выделять сохранение национально-культурной специфики подлинника как один из основных критериев при создании адекватного перевода [8, с. 59].

Однако риторику часто воспринимают исключительно как искусство устной речи – публичных выступлений, дебатов и ораторского мастерства. Такое представление ограничивает её реальные возможности. На самом деле, риторика изучает и письменную речь, сосредотачиваясь на стратегиях убеждения, стилистике и композиции текста. Например, научная письменная речь всегда стремится к объективности, но даже в ней используются риторические приёмы для обоснования выводов и завоевания доверия аудитории [47, с. 94-95]. Важную роль в риторике письма играет понимание текста как жанра, возникающего в определённых социальных и коммуникативных контекстах. К. Миллер рассматривает жанры как типизированные формы риторического поведения, помогающие авторам адаптироваться к ожиданиям аудитории [76, с.160-163]. Существенным аспектом является и стиль изложения: исследование "Style,

Content, and the Success of Ideas" показывает, что не только содержание, но и манера подачи влияет на восприятие и успех публикации [52, с. 22-25]. Таким образом, риторика письма объединяет теоретические и практические аспекты письменной коммуникации, помогая авторам структурировать мысли и эффективно взаимодействовать с читателем.

Современное понимание риторики как устной и письменной практики невозможно без учёта её исторических оснований. Именно в античной мысли были заложены базовые представления об убеждении, стиле и структуре высказывания, которые актуальны и сегодня – в том числе и для письменного текста. Риторическая традиция берет свое начало в античной Греции, где зарождение государственности открыло новые горизонты для общественной жизни. С усложнением социальной структуры граждане всё чаще оказывались перед необходимостью отстаивать собственные убеждения. Одновременно возрастало значение слова в политической и общественной сфере. Владение искусством ораторства стало насущной потребностью для всех, кто принимал участие в политических дебатах и общественных обсуждениях. Как и любое другое ремесло, ораторское мастерство требовало глубокого анализа и осмысления, чтобы создать универсальные подходы к усилению убедительности выступлений. Таким образом, размышления о тонкостях публичного выступления трансформировались в самостоятельную научную область – риторику [39, с. 43]. Несмотря на существование общих принципов подготовки речей, содержание выступлений оставалось уникальным и разнообразным. Постепенно разработка универсальной формулы успешной речи стала центральной задачей риторики как науки.

В рамках нашего исследования наиболее интересными являются труды самого известного ритора античного времени, Аристотеля, а именно его трактат «Риторика», посвящённый ораторскому искусству. «Риторика» – это первый систематический свод правил для построения речи. В своём произведении Аристотель определяет риторику как искусство, родственное диалектике, и выделяет ключевые элементы, обеспечивающие силу убеждения: личные

качества и репутацию оратора (этос), эмоциональное воздействие на аудиторию (пафос) и логическую обоснованность аргументов (логос) [48]. Рассмотрим эти три составляющие более детально, а также их интерпретацию в современных научных работах.

Первоначально понятие логоса зародилось в трудах античных философов. У Гераклита оно обозначало «разум» или «слово» как универсальный принцип упорядоченности мира. Аристотель же придал этому термину риторическое значение, понимая логос как способность убеждать аудиторию посредством аргументации. Эта двойственность в сочетании логического и языкового аспектов сохраняет свою значимость и в наши дни.

В современной науке изучение логоса находит практическое применение в таких сферах, как анализ политических речей и юридических текстов, где рациональная составляющая занимает центральное место. Например, в политике спикеры используют структурированную аргументацию для создания иллюзии логической непротиворечивости, тем самым апеллируя к критическому мышлению слушателей. В маркетинге логос проявляется через демонстрацию эффективности продуктов, подкреплённую фактами, данными и статистикой, что вызывает доверие у потребителей.

Логос традиционно связан с рациональной, убедительной составляющей дискурса и включает не только строгую логику, но и эвристические элементы [6, с. 11-20]. Однако такая интерпретация не является единственной. Так, в своей работе «Теория риторики» Ю.В. Рождественский предлагает рассматривать логос как совокупность общих мест (топов), которые общество принимает за основу правды [35, с. 161-163]. Эти топосы обретают свою истинность через общепризнанность, выступая результатом общественного договора.

Однако подход, связывающий логос исключительно с топосами, вызывает сомнения и имеет ряд ограничений. Топосная трактовка логоса слишком широка (включает субъективные элементы), не учитывает аристотелевскую силлогистику и затрагивает даже этос и пафос, выходя за рамки логоса [6 с. 11-20]. Таким образом, понятие логоса остаётся многослойным и требует

комплексного анализа. Оно не может быть сведено к одному подходу, так как включает как классические, так и современные трактовки, охватывающие различные аспекты человеческого мышления и коммуникации.

Тем не менее, топосная трактовка логоса обладает определённой объяснительной ценностью. Её подход позволяет учитывать социокультурные и коллективные аспекты аргументации, которые играют важную роль в дискурсивной практике. Например, использование общепризнанных аксиом в судебных разбирательствах или образовательных дебатах может быть эффективно осмыслено через призму топосов.

Логос, в отличие от этоса и пафоса, фокусируется на убедительности через рациональное доказательство, а не на личностной харизме оратора (этос) или эмоциональной вовлечённости аудитории (пафос). Однако, как отмечают исследователи, в реальных текстах эти компоненты редко существуют изолированно. Например, даже самая логически выстроенная аргументация теряет свою убедительность без подкрепления эмоциональной вовлечённостью пафоса и доверительным этосом.

Понятие этос у Аристотеля имеет три ключевые интерпретации: фронеzis – мудрость и интеллект; арете – совершенство и добродетель; эвномия – доброжелательное отношение к аудитории [35, с. 141-144]. В современной риторике этос можно рассматривать через две основные трактовки: широкую и узкую.

Этос в расширенной интерпретации нередко связывается с областью этичности, что особенно характерно для московской риторической школы и отражает обыденное восприятие этого понятия. Например, О.Э. Сухарева выделяет несколько значений этоса: как ситуацию в целом, как цель высказывания и как уместность речи [39, с. 78–79].

При этом в московской школе существует и более узкое понимание этоса, связанное с риторическим триединством (нравы – аргументы – страсти). Здесь этос определяется «как "нравы", то есть качества, позволяющие оратору установить контакт с аудиторией и укрепить свой авторитет. Этос в данном

случае выступает как "образ себя", который оратор сознательно формирует в глазах слушателей» [39, с. 23–28].

Узкая трактовка, популярная в современной западной риторической науке, основана на внутренней форме древнегреческого термина (εἶδος – характер). В этом контексте этос рассматривается как динамическая характеристика, которая формируется в восприятии аудитории в процессе конкретного речевого акта. Таким образом, этос – это черты, приписываемые оратору на основе его речи и поведения в данный момент, а не его репутации как одно целое.

Этос, как часть риторического триединства, тесно связан с логосом и пафосом. Доверие к ратору (этос) усиливает логическую аргументацию (логос) и делает эмоциональное воздействие (пафос) более убедительным. Например, даже самая точная и логически выстроенная речь не будет воспринята аудиторией без доверия к оратору, а чрезмерная эмоциональность без этоса может показаться манипуляцией.

Важное отличительное свойство узкой трактовки этоса – его ориентированность на дискурсивную деятельность. При широкой трактовке этосные характеристики являются заданными заранее, то есть в статике. При узкой же трактовке учитываются как предшествующие, так и текущие дискурсы именно языковой личности, иначе говоря, этос предстает как интерпретация аудиторией свойств ратора в динамике.

Отдельного внимания заслуживает различие в трактовке этоса у Аристотеля и в постаристотелевой традиции. Согласно Аристотелю, этос формируется исключительно через вербальное и невербальное поведение оратора в момент выступления. Репутация, основанная на прошлых действиях, не играет существенной роли в убеждении. В постаристотелевой традиции, восходящей к Исократу и особенно проявившейся в эпоху Второй софистики, большое значение приобрела репутация ратора. Это связано с изменением акцентов в риторике: вместо инвенции и диспозиции центральное место занимает элокуция. Соответственно, внимание уделяется не только текущей

речи, но и предшествующему мнению аудитории о риторике, что влияет на восприятие его характера [26, с. 556-558].

В современной практике этос продолжает оставаться важным компонентом риторики, но трансформируется в зависимости от контекста. В политике широкая трактовка этоса позволяет учитывать моральный и социальный облик лидера, формируемый годами. В цифровую эпоху этос ратора формируется не только через его речь, но и через цифровую репутацию – его активность в социальных сетях, соответствие заявленным ценностям и стиль общения с аудиторией.

Таким образом, понятие этоса является многослойным и продолжает развиваться в зависимости от риторических традиций и культурных контекстов. Его трактовка варьируется от динамической характеристики, связанной с моментом выступления, до устойчивой репутации, которую оратор формирует на протяжении своей деятельности. Оба подхода, несмотря на различия, сохраняют актуальность в современной риторике, позволяя глубже понять, как формируется доверие и восприятие речи.

Перейдём к пафосу, следующему компоненту риторики. Термин пафос связан с понятиями эмоций и эмпатией. В риторике пафос можно определить как склонность аудитории принимать утверждения на веру, минуя детальный анализ их обоснованности, основываясь на эмоциях и чувствах, которые они вызывают. Воображение реципиента играет ключевую роль в этом процессе, поскольку оно становится инструментом передачи и восприятия сообщения, что и лежит в основе понятия сопереживания.

В истории риторики трактовка пафоса варьировалась. Ещё в античности Аристотель рассматривал эмоции как патетическое средство, способное усиливать симпатии аудитории к оратору. В отличие от него, Цицерон относил эмоциональные средства к этосу, включая их в характеристику риторического авторитета [48]. Подобное смешение категорий можно наблюдать и в отношении ценностей, которые в классической риторике принадлежат этосу, но в некоторых

интерпретациях могут переходить в мотивационный компонент, соответствующий пафосу.

Исторически понятие пафоса прошло путь от античных интерпретаций, сосредоточенных на эмоциональном воздействии, до эпох Возрождения и Нового времени, где пафос стал рассматриваться как важнейший элемент художественной литературы и религиозных проповедей. В современной риторике он приобрёл роль основного инструмента для анализа эмоционального взаимодействия между ритором и аудиторией.

Современные интерпретации пафоса делятся на широкую и узкую трактовки. Широкая трактовка включает два аспекта. Первый – фактор аудитории, при котором пафос связан с эмоциональными характеристиками слушателей: оратор с помощью своего пафоса формирует воздействие, погружающее аудиторию в эмоциональную атмосферу речи – своеобразную «вторую реальность» [35, с. 191]. Второй аспект – фактор социума, в рамках которого пафос трактуется как действия оратора, определённые социальным контекстом; в этом случае пафос пересекается с этосом и частично с ним смешивается [35, с. 191]. Узкая трактовка, в свою очередь, рассматривает пафос как реактивное явление, сводя его к вызову определённых эмоций у аудитории для формирования её отношения к рассматриваемым вопросам [51, с. 393; 59, с. 376–377]. В этом подходе внимание сосредоточено на способности оратора инициировать эмоции, однако теоретические аспекты остаются менее проработанными.

Наиболее перспективным представляется интерактивное понимание пафоса, предложенное И.Ю. Чистяковой [44, с. 202-234], которое лучше отражает его суть как динамического процесса взаимодействия ратора и аудитории.

Однако использование пафоса в риторике нередко вызывает этические вопросы. Эмоциональное воздействие может быть использовано как инструмент манипуляции, особенно в политической и рекламной риторике. Например, вызов страха, сочувствия или гнева иногда применяется для отвлечения внимания от

логически слабых аргументов. Это поднимает проблему необходимости балансировки между эмоциональным воздействием и содержательной логической основой.

В условиях цифровой эпохи пафос приобретает новое значение. Эмоциональные характеристики сообщений в социальных сетях и медиа всё чаще становятся основным средством убеждения. Например, использование эмоциональных нарративов, визуальных образов и видеоконтента позволяет вызывать мгновенные реакции аудитории. Здесь пафос часто работает не изолированно, а в синергии с визуальными и аудиальными элементами.

Таким образом, пафос, как элемент риторического триединства, играет ключевую роль в убеждении. Он усиливает как рациональные аргументы (логос), так и доверие к ритору (этос), создавая эмоциональную основу для восприятия речи. Современные трактовки пафоса, учитывающие его многоаспектность, помогают глубже понять механизмы речевого воздействия и эмоционального взаимодействия в риторике.

В большинстве исследований, посвящённых риторике, основное внимание уделяется трём вышерассмотренным компонентам: этосу, пафосу и логосу. Эти элементы считаются ключевыми для построения убедительной аргументации и эффективной коммуникации. Однако концепт кайроса, обозначающий умение выбрать подходящий момент для речевого воздействия, часто остаётся на периферии научного анализа. В настоящем исследовании мы сочли необходимым уделить внимание этому компоненту, поскольку его использование также играет важную роль в искусстве убеждения.

Концепт кайроса берёт своё начало в античной философии и риторике, где он ассоциировался с искусством уловить и использовать наиболее подходящий момент. Аристотель, Исократ и другие древние мыслители подчёркивали важность контекста и своевременности для успешного убеждения. В Средние века и эпоху Возрождения это понятие приобрело теологический оттенок, становясь символом божественного провидения в трудах христианских философов.

Современные исследования риторики рассматривают время в двух аспектах: хронос и кайрос. Хронос, как отмечает американский философ Дж. Смит, обладает количественной природой, выражаясь через продолжительность, периодичность и последовательность [85, с. 168-170]. Напротив, кайрос имеет качественное измерение и описывает уникальный момент, который не может повториться, – «время возможностей», которое требует мгновенного действия [77, с. 310-314]. Профессор риторики Дж. Ативилл противопоставляет абстрактный и предсказуемый характер хроноса, динамичной природе кайроса, определяемого случайностью и контекстуальной перспективой [49, с. 138-139]. Исследуя риторику, Т. Рикерт делает акцент на происхождении термина кайрос, напрямую связанного с одноименным греческим богом, который часто изображался с чубом, за который нужно успеть ухватиться, чтобы не упустить момент успеха [81, с. 75–76].

Понятие кайроса вышло далеко за рамки риторики и нашло применение в таких областях, как психология, богословие, тайм-менеджмент, экономика и других сферах. Учёные сходятся в том, что кайрос остаётся сложным и многогранным явлением [65, с. 80; 69, с. 41], неподвластным полному рациональному осмыслению или обучению. В контексте риторики кайрос трактуется как «правильный момент» или «удачное время» для совершения коммуникации. Дж. Киннивии определяет кайрос «как искусство распознавания подходящего момента и уместности речевого акта» [65, с. 80-81].

В научных трудах кайрос нередко представляют как особую форму знания. Дж. Ативилл вводит термин «техне» (*technē*), подразумевая, что «кайрос можно создавать, сочетая умение "знать как" и "знать когда"» [49, с. 59]. Б. Тэтчер акцентирует внимание на том, что использование кайроса требует понимания «когда и почему» необходимо применять определённые риторические средства, учитывая ситуацию [88, с. 99]. В совместной работе "Professional Communication and Network Interaction: A Rhetorical and Ethical Approach" Х. Макки и Дж. Портер интерпретируют кайрос как форму знания, которая включает культурные традиции и ценности. По их мнению, чувствительность к кайросу – это ключевой

элемент понимания риторики и профессиональной коммуникации в условиях цифровой эпохи [75, с. 41]. Их концепция связывает знание с чувством, утверждая, что восприятие времени и событий, как и сама коммуникация, «течёт непрерывным потоком» [75, с. 41], переключаясь с мыслью Гераклита о невозможности дважды войти в одну и ту же реку. Это подчёркивает уникальность каждого момента в коммуникации и важность его своевременного использования.

Кайрос действует как связующее звено между этосом, пафосом и логосом. Например, умение выбрать подходящий момент (кайрос) позволяет усилить эмоциональное воздействие (пафос), подчеркнуть авторитет оратора (этос) и добиться логической убедительности (логос). Без учёта времени и контекста даже самые сильные аргументы могут потерять свою убедительность.

В условиях цифровой эпохи кайрос приобретает новое значение, поскольку информация распространяется мгновенно, и подходящий момент может быть крайне кратковременным. В социальных сетях, например, бренды и политики стремятся использовать тренды и актуальные темы для максимального охвата аудитории. Здесь кайрос становится искусством не только планирования, но и мгновенной реакции.

Чтобы точнее понять особенности каждого из компонентов, рассмотрим их на реальных примерах. Допустим, нам нужно убедить аудиторию в необходимости вакцинации. Вот как будут реализовываться риторические компоненты: логос – логическая аргументация (ВОЗ сообщает, что прививки ежегодно спасают около 3 миллионов жизней [14]), пафос – эмоциональный пример (история про больного ребёнка без доступа к вакцине), этос – апелляция к авторитету (мнению врача с 20-летним стажем), кайрос – указание на актуальность момента (в разгар пандемии особенно важно прививаться).

В рамках данного исследования мы проанализировали тексты о русских сказках и их переводы, взятые с популярного сайта о России и русской культуре rbth.com [28]. Помимо различий в межкультурной риторике и стилистике, мы также заметили, как проявляется пафос в исследуемых текстах. Например: «Злая

старуха заставляет девочку работать, но оказывается, что хочет съесть ее!» [12]; «В итоге он ни много ни мало женится на царской дочке!» [12] – "In the end, he marries the tsar's daughter, no less!" [60]. В данном случае этос, а именно эмоциональность высказываний передаётся через пунктуационный восклицательный знак и усилительную конструкцию «ни много ни мало». Эмоциональность и оценочность свойственна в большей степени русской культурной модели изложения, так как она позволяет отклонения от цели высказывания, в отличие от прямолинейной модели английского языка [64, с. 15] (см. § 1.2). Этот факт подтверждает наличие множества деталей, расширяющих контекст: «Сюжет сказки кумулятивный, это означает, что одно и то же действие повторяется много раз» [12]; «Сюжет этой сказки отдаленно напоминает историю "Гензель и Гретель" Братьев Гримм» [12] – "The plot of this fairy tale vaguely resembles the story of Hansel and Gretel by the Brothers Grimm" [60]. Сравнивая перевод данных предложений, мы можем прийти к выводу, что переводчик не трансформировал текст на риторическом уровне и не менял его высокий контекст: большое количество описаний и комментариев автора не были исключены из текста. Возможно, переводчик хотел сохранить характер русскоязычного текста ввиду его культурологичности и специфики.

Риторика остаётся универсальным инструментом убеждения, обладающим глубоким потенциалом в гуманитарных науках, переводе и межкультурной коммуникации. Её основные компоненты – этос, пафос, логос и кайрос – выполняют различные функции, дополняя друг друга для достижения максимальной убедительности и эффективности.

Логос обеспечивает рациональность и логику аргументации, играя центральную роль в политике, маркетинге и юридических текстах. Этос формирует доверие и авторитет оратора, создавая образ, способный установить контакт с аудиторией. Пафос, в свою очередь, отвечает за эмоциональное вовлечение, вызывая чувства и сопереживание, что особенно важно в социальных медиа и культурных текстах. Кайрос дополняет эту систему,

акцентируя внимание на выборе подходящего момента и адаптации к контексту, что делает коммуникацию гибкой и эффективной.

Анализ риторики существующих русскоязычных текстов показывает высокий контекст русской культуры, выраженный в богатстве деталей и эмоциональной насыщенности, требующих от переводчика сохранения культурной специфики. Аллюзии, сложные синтаксические конструкции и высокая степень оценочности, сохраняются в переводах для передачи культурного характера оригинала.

Современные вызовы, такие как цифровая коммуникация, требуют адаптации риторических приёмов. При этом важно учитывать этические аспекты риторики, избегая манипулятивного использования её элементов. Таким образом, риторика остаётся не только эффективным средством убеждения, но и инструментом, требующим ответственного подхода в условиях глобализации и цифровизации.

1.2 Межкультурная риторика английского и русского языков: сравнительный анализ и основные понятия

Понимание риторических компонентов в их культурной обусловленности позволяет углублённо рассмотреть, как они проявляются в различных языковых традициях. Именно здесь в поле зрения попадает межкультурная риторика – дисциплина, исследующая, как культурные различия влияют на способы коммуникации, включая построение письменных текстов и устных выступлений. Первым, кто заговорил о роли культурных различий в формировании риторических традиций, стал Р. Каплан в своём труде "Cultural Thought Patterns al Education". Он предложил концепцию «контрастивной риторики», которая анализирует различия в текстовой структуре между различными культурами [64, с. 15].

Основываясь на разнообразных данных, включая письменные работы студентов, изучающих английский язык (в том числе тех, для кого английский не

является родным), Р. Каплан предложил классификацию национальных дискурсивных стилей. Так, англо-американский стиль выделяется линейной организацией текста: информация излагается последовательно, с чётким движением от начала к заключению.

Романские языки демонстрируют иной подход: тексты, написанные студентами из стран с этой традицией, содержат многочисленные отступления, что придаёт их дискурсу «извилистый» характер. Русский стиль в этом отношении близок к романскому, но отличается более значительными отклонениями от основной темы, а также неожиданными переходами к другим аспектам (см. рис. 1).

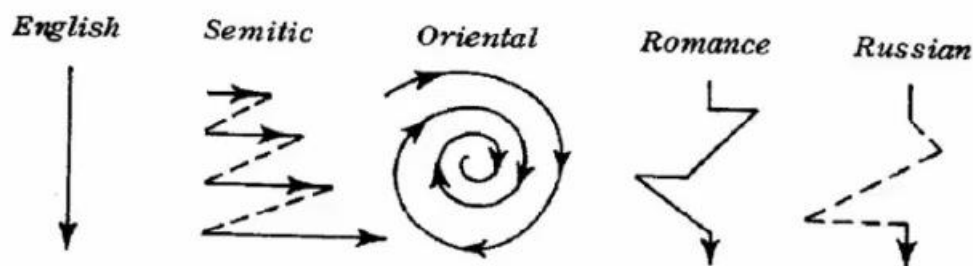

Рисунок 1 – Культурные модели письменной аргументации Р. Каплана

Восточный стиль характеризуется организацией текста на основе ассоциативного принципа. Семитская риторика, напротив, опирается на повторения и параллельные структуры, постепенно вводя новые детали в уже существующий контекст.

В большинстве случаев исследования контрастивной риторики фокусируются на особенностях структурирования аргументации, что связано с риторическим каноном, известным как диспозиция. Учёные уделяют внимание таким деталям, как порядок изложения тезиса (основной идеи) и аргументов: тезис может быть представлен как в начале, так и после изложения доводов. Также важными аспектами являются наличие или отсутствие отступлений, способы обоснования идей и подходы к презентации темы.

Довольно очевидным различием является также источник аргументов, которые считаются валидными в данной культуре. В качестве примера может послужить интервью американского журналиста Т. Карлсона с президентом России В.В. Путиным, состоявшееся в феврале 2024 года. В ходе беседы Т. Карлсон опирался на проверяемые факты и задавал вопросы, основанные на конкретных данных, в то время как В.В. Путин часто ссылался на исторические и культурные аспекты, а также на традиционные ценности, обосновывая свою позицию [17].

Стоит обратить внимание и на другие важные выводы. Одно из ключевых положений контрастивной риторики связано с распределением ответственности между автором текста и его читателем [70, с. 56-70; 73, с. 4-12]. В японской и российской традициях большая часть ответственности за интерпретацию текста ложится на читателя, в то время как в европейских культурах ответственность, напротив, преимущественно несёт автор. Это различие ярко проявляется в уровне разработанности метатекста — тех элементов, которые помогают структурировать материал, комментировать логику повествования или объяснять ход рассуждений.

Наконец, культурные различия проявляются и в восприятии социальной ситуации. Например, англо-американское деловое общение строится на восприятии взаимодействия как простого обмена выгодами: каждая сторона осознаёт свои интересы и понимает позицию партнёра. В российском же деловом контексте коммуникация часто сопровождается акцентом на дистанцию, что влияет на общий стиль взаимодействия.

На уровне текста это выражается в различии подходов к написанию деловых писем. В англо-американской практике авторы сразу переходят к сути, формулируя предложение или запрашивая необходимую информацию. В отличие от этого, русские деловые письма обычно начинаются с объяснения причин обращения, обоснования просьбы или предложения.

Следование устоявшимся национальным риторическим традициям может стать серьёзным барьером для межкультурной коммуникации, даже если человек

владеет иностранным языком на высоком уровне. Проблема заключается в том, что различия в предпосылках, стратегиях и базовых принципах коммуникации зачастую остаются неосознанными. В этом контексте можно выделить два основных источника трудностей. Первый связан с автоматическим переносом привычных навыков в новую среду, что может приводить к тому, что тексты и аргументация выглядят странно, неуместно или оказываются неэффективными. Второй источник — это отсутствие владения характерными для целевой культуры способами построения текстов, что создаёт трудности в адекватном участии в коммуникации и мешает достижению взаимопонимания.

Разделение двух источников коммуникативных проблем имеет важное значение, поскольку их влияние на эффективность взаимодействия различается. Если автоматический перенос привычных навыков на новые условия снижает продуктивность только в области речепорождения, то нехватка знаний о типичных для изучаемого языка способах построения текста затрудняет как создание собственных высказываний, так и понимание текстов, написанных другими.

Контрастивную риторику критикуют за этноцентризм — она ориентируется на западный взгляд и игнорирует восприятие самих носителей иных культур [67, с. 102-206] Также её упрекают в чрезмерном упрощении: культуры рассматриваются как статичные и предсказуемые.

Другим аспектом критики является ограничение контрастивной риторики исключительно письменными текстами [83, с. 352-363]. Такой подход упускает из вида особенности устного общения, где непосредственный контакт и возможность быстрого получения обратной связи позволяют коммуникантам легче преодолевать различия. В условиях живой коммуникации происходит не только взаимное обучение, но и постепенная выработка общего стиля общения, что существенно снижает влияние культурных различий на взаимодействие.

Позже межкультурная риторика расширила подходы контрастивной риторики, сосредоточившись на взаимодействии культур и обмене риторическими практиками.

У. Коннор предложила концепцию, согласно которой межкультурная риторика не только фиксирует отличия, но и выступает инструментом для развития межкультурного понимания [54, с. 469-483]. Она подчеркнула роль культурных норм в формировании риторической структуры, таких как прямота и логическая линейность в англоязычной риторике или использование имплицитных форм и метафор в текстах на русском языке. Автор придерживается своей позиции и по сей день: в недавней работе "Intercultural World" У. Коннор заключила, что несмотря на процесс глобализации, мы все ещё бесконечно далеки до того, чтобы стать полностью интернациональным обществом, с единой культурой и картиной мира. [53, с. 293-294]. Поэтому при создании и переводе текстов, ориентированных на реципиента-представителя другой культуры, мы не должны пренебрегать различиями и особенностями, как культуры исходного языка, так и переводного.

Нельзя не упомянуть и Э. Холла, который в своём актуальном и по сей день исследовании "Beyond Culture" [61] представил концепцию высококонтекстных (context) и низкоконтекстных (low-context) культур, которая стала основополагающей для изучения межкультурной риторики.

Э. Холл утверждал, что в высококонтекстных культурах, таких как японская, китайская или русская, значительная часть информации передаётся через контекст, подразумеваемый участниками коммуникации, а не через явные слова. Риторика в таких культурах отличается сложностью, многослойностью и часто опирается на метафоры, намёки и невербальное общение.

Напротив, низкоконтекстные культуры, к которым относится англоязычный мир, характеризуются стремлением к ясности и линейности. Здесь информация передаётся преимущественно через текст или речь, которые структурированы таким образом, чтобы быть понятными даже без значительного знания контекста.

Хорошим примером может послужить сфера бизнеса. В высококонтекстуальных культурах, таких как русская и японская, участники деловой встречи избегают прямого отказа, чтобы сохранить гармонию в группе.

Вместо прямого «нет» могут использоваться фразы вроде «Мы не можем дать вам однозначный ответ на данном этапе» или «Нам нужно подумать об этом», что в контексте встречи означает отказ. Без знания культурных особенностей и контекста такие ответы могут быть неправильно истолкованы.

В американской культуре, относящейся к низкоконтекстным, принято выражать свои мысли прямо и ясно. Например, в деловой переписке отказ будет сформулирован однозначно: «Мы не можем принять ваше предложение». Такой прямой подход минимизирует возможность недопонимания.

Подробно рассмотрим прочие различия в стилистике и риторике английского и русских языков.

Во-первых, это разница в формальном и неформальном стилях. В русском языке формальный и разговорный стили значительно отличаются (официальная речь исторически сильно оторвана от разговорной). В современном английском эти стили более сглажены, что отражает большую демократичность коммуникации. Одним из наиболее заметных различий является использование местоимений. В русском языке есть два местоимения второго лица — «ты» и «вы», которые разделяют формальные и неформальные ситуации. Например, обращение на «вы» подчеркивает уважение, официальность или дистанцию, тогда как «ты» используется в общении с друзьями, близкими или ровесниками. В английском языке для всех случаев используется одно местоимение — "you", что делает формальное и неформальное общение в этом аспекте более унифицированным.

Лексика и синтаксис тоже играют важную роль. В русском языке формальный стиль изобилует канцеляризмами, сложными конструкциями и абстрактной лексикой, например, «рассмотреть вопрос», «в связи с вышеизложенным», «запрашиваемый документ». Неформальная речь, напротив, более проста и эмоциональна: «подумал взять отпуск», «всё нормально?». В английском языке лексика менее специализирована. Разница между стилями проявляется больше через вежливые фразы, такие как "Could you please...?"

формальном стиле, и упрощенные конструкции в неформальном, например, "Can you...?".

Тон также существенно различается. Русская формальная речь часто звучит более отчужденно, даже холодно, подчеркивая официальность ситуации. В английском языке, напротив, формальная речь сохраняет дружественный и нейтральный тон. Например, просьба об отпуске в русском языке может выглядеть так: «Уважаемый Иван Иванович, прошу Вас рассмотреть возможность предоставления отпуска с 15 января». В английском эквивалентная фраза звучала бы: "Dear Mr. Johnson, I would like to kindly request your January 15", сохраняя вежливость, но без излишнего усложнения [71, с. 128-134].

Перейдём к следующему значимому различию между русскоязычными и англоязычными культурами. Для этого обратимся к таким понятиям как «коллективизм» и «индивидуализм». Это ключевые культурные концепты, оказывающие значительное влияние на языковые практики и коммуникативные особенности различных обществ. Современные исследования показывают, как эти ценности формируют лингвокультурные нормы, отражая различия в восприятии социальной идентичности, норм поведения и ожиданий.

Одним из исследований в данной области является статья «Индивидуализм и коллективизм как значимые элементы лингвокультуры», под авторством А.Д. Палкина. В ней подчёркивается, что коллективизм в таких культурах, как российская, проявляется через акцент на гармонии группы. Это выражается, например, в использовании местоимений множественного числа («мы») даже в ситуациях, где речь идёт об индивидуальных действиях. Такое лингвистическое поведение помогает избежать излишнего акцентирования на личности и усиливает чувство групповой принадлежности [30, с. 200-203].

В индивидуалистических культурах, напротив, язык фокусируется на уникальности личности. Исследование "Deception detection in text and its relation to the cultural dimension of individualism/collectivism" анализирует, как различия между коллективизмом и индивидуализмом влияют на лингвистические

стратегии в контексте обмана. В индивидуалистических культурах, таких как американская, люди чаще используют прямолинейные языковые конструкции, что делает обман более заметным [80, с. 549-551]. В коллективистских же культурах язык более завуалирован и сильно зависит от контекста, чтобы избежать разрушения социальной гармонии.

Результаты исследования "Collectivism and individualism in US culture: An demonstrates, что, несмотря на сильное влияние индивидуализма в американской культуре, элементы коллективизма всё же присутствуют, особенно в академической и профессиональной среде [87, с. 30]. Однако групповые усилия здесь часто воспринимаются как инструмент для достижения индивидуальных целей, что подтверждает доминирующее влияние индивидуализма.

В то же время российская культура сохраняет глубокие коллективистские корни, что подчёркивается в исследовании «Индивидуализм и коллективизм в России как предмет теоретической рефлексии» [9, с. 71-77]. Здесь коллективизм связывается с историческим опытом и социальными структурами, подчёркивая значимость групповой идентичности. Однако в современной России также можно наблюдать элементы индивидуализма, особенно в растущем акценте на личные достижения.

Риторические традиции также в значительной мере определяет характер риторики той или иной культуры. Англо-американская риторическая традиция, восходящая к Аристотелю и Платону, формирует линейные и ясные структуры, акцентируя внимание на логике и прямолинейности. Русская риторика, напротив, будучи под влиянием гегелевской диалектики, характеризуется сложностью, имплицитностью и акцентом на контексте. Англоязычная риторическая традиция ценит логичность и ясность как в речи М.Л. Кинга с повторяющимся "I have a dream" для усиления идеи [74]. Русская традиция склонна к сложному синтаксису и философской глубине. Здесь показательными являются монологи Раскольникова у Ф.М. Достоевского, отражающие диалектические размышления. Его размышления о праве «имеющих право» и «тварей

дрожащих» [15, с. 413] демонстрируют сложность и глубину русской риторической традиции.

В рамках данного исследования мы представили основные различия в форме таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1 – Основные различия русскоязычной и англоязычной риторики

Русскоязычная риторика	Англоязычная риторика
Большая разница между формальным и неформальным стилями	Меньшая разница между формальным и неформальным стилями
Прописная «я», незначительное участие личности автора	Особое внимание уделяется уникальным, новаторским точкам зрения и личному контакту с читателем (заглавная буква "I")
Свободная структура текста, отступления от темы, нелинейность	Лаконичная и линейная структура
Большое количество аллюзий, обращения к истории (высокий контекст)	Низкий контекст
Большое кол-во негативных конструкций	Меньшее кол-во негативных конструкций, преобладают утвердительные
Практически нет призывов к действию	Призывы к действию, требования к читателю
Читатель несёт ответственность за правильное восприятие текста	Автор текста несёт ответственность за его правильное восприятия читателем
Платоновско-аристотелевское наследие	Гегелевское наследие

Проиллюстрируем вышеописанные принципы практическим примером. Как уже упоминалось, в рамках данного исследования мы проанализировали текст русских сказок и их перевод. Мы также попытались определить, в какой степени проявляются различия в риторике этих текстов.

В первую очередь следует отметить разную частотность употребления отрицательных конструкций: в русском тексте их значительно больше, чем в

английском: «Злая мачеха невзлюбила падчерицу Марфушу» [12] – “An evil наблюдаем отрицательный глагол «невзлюбила», который явно отражает чувства героя, а в переводе на английский отрицание передаётся через словосочетание “to take a dislike”, что также передает отрицательные чувства, но без явного употребления отрицательной формы. Как мы видим, переводчик не нарушает риторiku английского языка и избегает большого количества отрицательных конструкций в тексте. Скорее всего, он ориентировался на такую особенность английского языка, как позитивная установка на решение проблем и конфликтов

Также присутствует разница в синтаксисе: в русском тексте положение подлежащего и сказуемого не следует порядку, в то время как в английском оно фиксировано: «Я от дедушки ушел...» [12] – “I managed to escape from the old man” [60].

В русскоязычном тексте можно отметить использование большого количества безличных конструкций: «Оказалось, впрочем, что она заколдованная» [12]; «Что ж, пришлось жениться на ней» [12]. При переводе на английский, несвойственная ему категория безличности уходит: “So, Ivan frog” [60]. Это обусловлено тем, что русский язык имеет более гибкие грамматические конструкции, которые позволяют использовать безличные формы чаще, в то время как английский язык требует указания на подлежащее в предложении, поэтому легче заменить безличное предложение при переводе на личное, как, например, в данном случае.

Легко прослеживается высокий контекст русского текста: «По мотивам сказки в советское время сняли фильм, ставший очень популярным – особенно под Новый Год» [12]; «В советское время это была одна из самых популярных сказок» [12] – автор не забывает дать оценку сказкам в рамках истории, а также показать аллюзии на реальные события: «В советской пропаганде дедом выступал Капитал, который хотел вытянуть красную революционную репку» [12]. Переводчик полностью сохраняет данную аллюзию при переводе:

“In Soviet propaganda, the old man was depicted as a representation of capitalism that wanted to pull out the red turnip of revolution” [60]. Такое решение в некоторой степени противоречит прямому культурному изложению английского языка, но переводчик в данном случае больше ориентирован на полную передачу исторической картины реципиенту.

Стоит повторить, эмоциональность и оценочность свойственна в большей степени русской культурной модели изложения, так как она позволяет отклонения (вспомним зигзагообразную линию Р. Каплана) от цели высказывания, в отличие от прямолинейной модели английского языка. Также подтверждает этот факт наличие множества деталей, расширяющих контекст: *Сюжет сказки кумулятивный, это означает, что одно и то же действие повторяется много раз* [12]; *«Сюжет этой сказки отдаленно напоминает историю "Гензель и Гретель" Братьев Гримм»* [12] – *“The plot of this fairy tale vaguely resembles the story of Hansel and Gretel by the Brothers Grimm”* [60]. Сравнивая перевод данных предложений, мы можем прийти к выводу, что переводчик не трансформировал текст на риторическом уровне и не менял его высокий контекст: большое количество описаний и комментариев автора не были исключены из текста. Возможно, переводчик хотел сохранить характер русскоязычного текста ввиду его культурологичности и специфики.

Проанализировав оригинальные и переводные тексты, можно сделать вывод, что на синтаксическом и грамматическом уровне тексты в значительной мере отличаются. Это проявляется через частотность употребления отрицательных конструкций, нефиксированный и фиксированный порядок слов и безличные предложения. Русскоязычный текст является высококонтекстуальным и предполагает большее понимание и отдачу от читателя: он богат на детали, исторические аллюзии, опирается на этос и пафос. При переводе автор решил сохранить свойственные русской культуре особенности: возможно ввиду того, что данный текст является в большей степени культурологическим, и было важно сохранить его характер и риторику.

В заключение стоит отметить, что межкультурная риторика, находящаяся на пересечении культурных, языковых и когнитивных особенностей, представляет собой мощный инструмент для изучения того, как различия между культурами влияют на построение текстов и взаимодействие.

Анализ различных исследований показывает, что в русской риторике значительное место отводится культурным и историческим аллюзиям, деталям и выражению эмоций, что делает её высококонтекстной. В то время как англоязычные тексты, благодаря своей низкоконтекстной природе, ориентированы на чёткость изложения, позволяющую передавать информацию с минимальной опорой на внешний контекст. Это различие проявляется не только в письменных текстах, но и в культурных ожиданиях, например, в отношении ответственности за понимание текста: в русской традиции она лежит на читателе, а в англоязычной – на авторе.

Межкультурная риторика не только фиксирует различия, но и помогает их преодолеть. Осознание и адаптация риторических приёмов разных культур позволяют достичь взаимопонимания. Несмотря на глобализацию, различия в риторических традициях сохраняются, что указывает на необходимость учитывать уникальности культурных парадигм при коммуникации и создании текстов.

1.3 Риторические приемы и их использование в культурологических текстах

Риторические приёмы играют ключевую роль в создании практически всех видов текстов, усиливая их выразительность и воздействие на читателя. Они используются на различных языковых уровнях – фонологическом, лексическом и грамматическом – для передачи информации и формирования определённого взгляда на событие. Как отмечает исследователь А.Ю. Широких, «создатели текстов СМИ (осознанно или неосознанно) избирают средства и способы вербализации, которые в наибольшей степени соответствуют тому взгляду на

событие, который журналист хочет сформировать у аудитории» [45, с. 176]. Понимание и анализ этих приёмов позволяют глубже осмыслить механизмы информационного воздействия и интерпретации культурных явлений.

Пафос или призыв к эмоциям находит отражение в художественных приёмах, помогающих создать художественный образ, привлекательный для реципиента. В современной риторике этому помогают следующие средства:

- метафора,
- гипербола,
- эпитет,
- олицетворение,
- сравнение,
- историческая отсылка, аллюзия.

В рамках данного исследования наибольший интерес представляют риторические и художественные средства, формирующие пафос текстов, так как русскоязычные культурологические тексты основаны в большей степени на пафосе и эмоциональной составляющей.

Рассмотрим те средства, которые мы будем использовать при переводе и создании культурологических текстов.

Метафора – один из ключевых риторических приёмов, упрощающий восприятие сложных концепций. Анализ англоязычных и русскоязычных текстов выявляет универсальные и культурно специфичные аспекты её использования.

О.Н. Лагута отмечает, что интерес к метафоре значительно вырос с 1930-х годов, выходя за рамки традиционных дисциплин [23, с. 6]. По мнению Э.В. Будаева, её актуальность связана с исследованием взаимодействия языка и мышления [4, с. 6].

Аристотель дал первое определение метафоры как «переноса» имени по аналогии, противопоставляя необычные слова общеупотребительным. В римскую эпоху теория метафоры приобрела дидактический характер, а в Средние века её значение снизилось из-за приоритета духовных ценностей. Августин Блаженный критиковал риторику, считая её потенциально вредной. В

Новое время Дж. Локк осуждал метафоры за способность вводить в заблуждение

Российский лингвист А.А. Потебня рассматривал метафору через структуру слова, выделяя её внутреннюю форму [33, с. 10]. Долгое время метафоры считались неуместными в научном языке из-за риска двусмысленности. Однако в XX веке они приобрели новый статус: когнитивная лингвистика показала, что метафоры структурируют мышление. О.Б. Сивакова отмечает значительный вклад российских исследователей в это направление [36, с

Э. Кассирер связывал происхождение метафоры с мифом, искусством и языком [42, с. 33-43]. Д. Дэвидсон расширил сферу её применения, включая философию и право. В сборнике «Теория метафоры» [40] представлены труды крупнейших исследователей, таких как А. Вежбицкая и Дж. Серль. Дж. Лакофф и М. Джонсон предложили концептуальную теорию метафоры, утверждая, что она пронизывает не только поэзию, но и повседневную коммуникацию [68]. Теория концептуальной метафоры (Conceptual Metaphor Theory, CMT), остаётся ключевым направлением когнитивной лингвистики. Исследование Ю.В. Ведерниковой и О.В. Мурдускиной демонстрирует системную взаимосвязь между основными понятиями CMT, раскрывая их иерархические и ассоциативные отношения в рамках когнитивной семантики [7, с. 35-38].

Рассмотрим метафору «моста». В русской литературе (Ф.М. Достоевский, А. Белый) мост символизирует переход и трансформацию [29, с. 150-154]. В стихотворении И.А. Бродского «Прощай» он выражает утраченные связи: «*А письма сожги, как мост*» [3]. В романе И. Андрича «Мост на Дрине» мост соединяет Восток и Запад, прошлое и будущее, символизируя культурный диалог с. 124]. Этот образ иллюстрирует универсальность метафоры как инструмента понимания мира.

Перейдём к следующему приёму, эпитету. Эпитет, как выразительное средство языка, представляет собой слово или фразу, предназначенные для подчеркивания какой-либо характеристики описываемого объекта. Однако

трактовка эпитета варьируется в зависимости от подходов различных исследователей, его функций и культурной среды, в которой он используется.

Эпитет традиционно воспринимается как средство усиления художественной выразительности. В русском языкознании, согласно статье Н.П. Булаховой и А.П. Сковородникова «К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике)», он представляет собой структурный элемент, который занимает центральное и периферийное положение в системе изобразительных средств. Исследователи подчеркивают, что эпитет выполняет экспрессивную функцию, акцентируя внимание на ключевых характеристиках объекта [5, с. 122-136].

Аналогичный подход встречается в работе «Метафорические эпитеты и их стилистические функции», где эпитеты рассматриваются как средство, которое обогащает текст выразительными метафорами. Авторы отмечают, что эпитеты могут быть созданы с использованием качественных и относительных прилагательных, которые усиливают национальную специфику произведений, с. 21-34]. Этот акцент на культурную принадлежность подчеркивает универсальность эпитетов как средства художественной выразительности.

Определение эпитета в современной науке отличается в зависимости от исследовательского контекста. Например, И.В. Пекарская и Е.А. Шпомер в своей работе «Элокутивная специфика эпитета: дефиниция и проблема классификации» рассматривают эпитет не только как троп, но и как элемент, «обладающий прагматической и функциональной нагрузкой» [31, с. 97]. Они утверждают, что эпитеты можно классифицировать по их риторической функции и типу эмоционального воздействия на читателя.

Примеры использования эпитетов демонстрируют их культурно обусловленный характер. В русскоязычных текстах, как подчеркивают Н.П. Булахова и А.П. Сковородников, часто встречаются эпитеты, связанные с природой, такие как «синее море» или «чистое поле». Эти эпитеты отражают народное мировоззрение и близость к природе, что характерно для русского языка [5, с. 122-136].

В англоязычных текстах эпитеты часто акцентируют внимание на деталях, связанных с конкретной ситуацией или личностью. Например, в произведениях У. Шекспира можно встретить эпитеты, такие как "gentle night" (нежная ночь) [с. 133] или "rude will" (грубая воля) [84, с. 87], которые помогают создавать атмосферу и усиливать эмоциональное воздействие текста.

Перейдём к не менее популярному риторическому и художественному приёму – гиперболе. Гипербола – риторический приём, основанный на намеренном преувеличении для усиления выразительности и создания эмоционального эффекта. Она широко используется в литературе и повседневной речи, однако её трактовки в научной литературе различаются. Более того, некоторые исследователи утверждают, что «сущность такого неэлементарного явления, как гипербола, невозможно охватить одним исчерпывающим определением» [32, с. 82].

Исследователи выделяют несколько подходов к определению гиперболы:

- как приём,
- как средство выразительности,
- как фигура,
- как троп.

Разнообразие подходов связано с пересечением понятий «троп», «фигура» и «приём». Согласно концепции А.П. Сковородникова и Г.А. Копниной, риторический приём представляет собой осознанное отклонение от нормы для воздействия на аудиторию [19, с. 182]. Гипербола вписывается в эту концепцию, так как её использование всегда предполагает отклонение от предметно-логической нормы и реальных представлений о действительности.

Некоторые исследователи рассматривают гиперболу как стилистический приём, поскольку она может выполнять функцию оформления жанров и формировать индивидуальный стиль автора. Однако гипербола не всегда является тропом. О.Н. Лагута указывает, что преувеличение чаще всего образно и в таких случаях считается тропом [24, с. 13]. Г.Г. Хазагеров и И.Б. Лобанов

связывают гиперболу с метафорой, где преувеличение выступает доминирующим элементом [41, с. 217].

Частный принцип образования гиперболы – перенос, при котором одному объекту приписываются свойства другого. Гипербола также может возникать как структурное преобразование метафор или устойчивых выражений.

Обратимся к примерам. Гипербола в литературных произведениях английской и русской традиций выполняет схожие функции, усиливая выразительность текста и подчёркивая важность отдельных характеристик героев или событий, но отличается стилистической направленностью и культурным контекстом. В романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» гипербола используется для акцентирования эмоционального состояния героя. Фраза "my parents would have about two hemorrhages apiece" [82, с. 1] подчёркивает преувеличение страха главного героя перед осуждением родителей, добавляя тексту драматизм и иронию.

В русской литературе гипербола чаще встречается в эпических описаниях или сатирических контекстах. Например, в «Мёртвых душах» Н.В. Гоголя чрезмерная скупость Плюшкина иллюстрируется описанием его имущества: «старых полушубков на пятьдесят и более, из которых и по одному-то уже было трудно найти во всем городе» [11, с. 155], что подчёркивает алогичность и абсурдность характера героя.

Перейдём к следующему приёму. Олицетворение – это троп (стилистический прием), при котором неодушевленным предметам или абстрактным понятиям придаются свойства живого человека.

Как отмечает З. Кёвечеш, олицетворение позволяет человеку использовать знания о себе самом для понимания других аспектов мира – природных сил, объектов, понятий времени или смерти [66, с. 50]. В результате неодушевленные объекты становятся ближе и понятнее, вызывают у читателя эмоциональный отклик и сопереживание.

Использование олицетворения зачастую обусловлено конкретной культурой: образ, который естественно воспринимается в одной культуре, может

казаться необычным или непонятным в другой. Так, один и тот же персонаж-животное может иметь разный символизм в разных традициях. Исследователи подчёркивают, что переводчик должен учитывать три фактора: особенности персонажа в исходном тексте, его образ в культуре оригинала и образ в культуре перевода. Например, в английской литературе сова традиционно символизирует мудрость, тогда как в русских сказках эта роль часто приписывается ворону. Подобные различия влияют на выбор эквивалентного образа при переводе. В одном исследовании, посвящённом олицетворению животных (на материале сказки О. Уайльда) обнаружено, что при переводе соловья и ласточки переводчикам приходилось менять черты персонажей, чтобы они соответствовали гендерным стереотипам принимающей культуры [21, с. 38-42].

В русской традиции соловей мыслится как «он», а ласточка как «она», и перевод на английский требовал адаптации этих персонажей под ожидания англоязычной аудитории. Кроме того, переводчики нередко сталкиваются с тем, что конкретный образ несет различные ассоциации: скажем, ночь в одной культуре может изображаться как добрая «матушка-ночь», а в другой – как зловещая сила. Если дословно перенести такой образ, его культурный смысл может исказиться. Исследования показывают, что, когда переводчик сохраняет олицетворение без изменений, он подразумевает, что у читателей перевода схожие предпосылки для понимания этого образа, как и у аудитории оригинала. И наоборот, если образы не совпадают, переводчик вынужден трансформировать олицетворение, чтобы сделать его понятным для новой аудитории [56, с. 60-69].

Наличие олицетворения в исходном тексте существенно влияет на процесс перевода, поскольку переводчик должен не просто передать значение слов, но и сохранить образную природу высказывания. Основная сложность – культурная несоизмеримость некоторых образов. Олицетворение часто неразрывно связано с историческим и культурным контекстом, и прямой эквивалент может отсутствовать. Например, обращение к абстракции типа «Мать-Россия» или «Джон Буль» (олицетворение Англии) несет богатый подтекст, знакомый

носителям исходной культуры, но иностранному читателю может потребоваться пояснение.

Современные исследования сходятся во мнении, что универсального решения для передачи олицетворения не существует – необходим гибкий подход, учитывающий контекст [21, с. 40-42]. Тем не менее, теоретики перевода описывают ряд стратегий, к которым прибегают переводчики. Во-первых, наиболее предпочтительным вариантом считается прямой перенос образа, то есть максимально точное воспроизведение олицетворения в тексте перевода. Этот путь избирается, если образ понятен в обеих культурах или достаточно универсален. Во-вторых, образная замена – если прямое сохранение невозможно, образ источника заменяют другим, более привычным для культуры перевода, но выполняющим сходную художественную функцию. При этом важно, чтобы новый образ соответствовал оригиналу не только по смыслу, но и по стилистическому эффекту. В-третьих, переводчик может прибегнуть к конверсии тропа в прямое значение – по сути, объяснить смысл, скрытый в олицетворении, обычными словами. Компромиссным вариантом служит сохранение олицетворения с добавлением пояснения.

Наконец, в редких случаях возможно опущение олицетворения, если ни один из способов переноса не дает приемлемого результата.

Р

и

т

о

р

и

ч

В русской филологической традиции сравнение также трактуется двояко: и как троп (вид образного выражения), и как стилистический приём, зависящий от устойчивых языковых конструкций. В литературе по сравнению можем найти целый ряд определений: «Это вид тропа, в котором одно явление или понятие поясняется путем сопоставления его с другим явлением» [37, с. 371]; «Это вид

й

п

Р

А

Г

Е

тропа. Его сущность хорошо передает этимологическое значение термина: сравнение как бы делает равными, приравнивает друг к другу различные предметы и явления на основании общего, сходного признака или нескольких признаков» [43, с. 75].

В сравнении всегда присутствуют три компонента – объект, образ с которым его сравнивают, и общий признак. Общая функция приёма сравнения в тексте – подчеркнуть важное свойство явления через его аналогию с другим, более понятным явлением, и тем самым сделать изложение нагляднее и выразительнее. Например, Э.Т. Холл, описывая культуру, прибегает к наглядному сравнению: «культура подобна айсбергу» [61, с. 187], где видимая часть – это внешние проявления (язык, одежда, кухня, музыка), а скрытая под водой массивная часть – глубинные ценности, убеждения и мировоззренческие установки. Подобный приём позволяет читателю лучше понять соотношение внешних и внутренних аспектов культуры через знакомый образ айсберга.

Приём перечисления в научном тексте служит другим целям – структурировать материал, систематизировать характеристики или примеры. В английской риторике его относят к фигурам усиления (*amplification*), нередко называя латинским термином *enumeratio*. По определению, это «риторический приём перечисления деталей – особая форма усиления высказывания, через разбиение общего понятия на составные части» [58].

Иными словами, автор намеренно выстраивает ряд однородных элементов, чтобы подчеркнуть множество аспектов явления. Русские исследователи стилистики отмечают, что простое перечисление однородных элементов превращается в стилистический приём, если перечисляемые элементы семантически разнородны. В этом случае перечисление приобретает экспрессивную функцию – так называемый эффект амплификации (нагромождения) – усиливая впечатление от описания за счёт накопления разнотипных деталей.

Теоретики отмечают, что перечисление в тексте создает особый ритм и интонацию. Например, С.К. Ибрагимова подчеркивает, что обилие

перечислительных конструкций может придавать изложению «впечатление статичности, медленного движения мысли» от одного явления к другому. [16, с. 204]. В то же время правильно применённый приём перечисления структурирует информацию и акцентирует внимание на важных деталях.

Различия в использовании этих приёмов в русскоязычных и англоязычных культурологических текстах обусловлены риторическими традициями двух научных культур. Англоязычные авторы, как правило, стремятся к ясности и логической прозрачности изложения, поэтому чаще прибегают к чётко организованным перечислениям и осторожно используют сравнения. Исследования показывают, что англоязычная научная проза более «линейна» и структурирована для повышения коммуникативной эффективности (см. § 1.2).

Е.А. Кольцова отмечает, что англоязычные авторы стремятся балансировать объективность изложения с авторским голосом, используя различные риторические приёмы для усиления ясности и структурности текста [18, с. 51-59]. Например, англоязычный культуролог, описывая понятие культуры, может перечислить ключевые компоненты: *“culture includes language, beliefs, art, law, morals, custom, and other capabilities”* – тем самым систематизируя сложное явление [57].

Русскоязычная академическая традиция, особенно советского периода, допускала более свободную композицию: длинные параграфы с несколькими вводными отступлениями и обилием поясняющих придаточных предложений вместо дробления мысли на пункты. В результате, русский культурологический текст может выглядеть более «литературно» – авторы не избегают метафорических сравнений и эмоционально окрашенных образов даже в научном дискурсе. Например, в работах по теории культуры на русском языке нередко встречаются метафорические дефиниции: *«Культура – это память народа»* [2, с. 237] – такие обороты придают исследовательскому тексту образность и содержательную глубину.

Аллюзия и историческая отсылка являются риторическими приёмами, которые активно используются для создания межтекстовых связей и обогащения

смысла произведения. Несмотря на их схожесть, современные англоязычные и русскоязычные исследователи различают эти понятия, подчёркивая их уникальные характеристики и функции.

Аллюзия представляет собой стилистический приём, заключающийся в косвенном упоминании или намёке на известные литературные, исторические, мифологические или культурные факты. Она требует от читателя или зрителя определённого уровня осведомлённости для распознавания и интерпретации скрытого смысла.

В статье «Сущность аллюзии и её функции в стилистической конвергенции» автор подчёркивает, что аллюзия часто интегрируется с другими тропами, такими как эпитет, сравнение, метафора и перифраз (непрямое, описательное обозначение объекта на основе выделения какого-либо его качества, признака, особенностей). Это позволяет значительно усилить выразительный потенциал художественной речи [13, с. 414].

Пример аллюзии в русской литературе можно найти в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», где строка «*Онегин, добрый мой приятель...*» , с. 1] отсылает к автору и его реальной связи с вымышленным героем. В англоязычной литературе У. Шекспир часто использует аллюзии, как, например, в трагедии «Гамлет», где упоминание Геркулеса служит намёком на мифологический контекст.

В статье "Allusion" в журнале "Publications of the Modern Language" подчёркивается, что аллюзия может принимать форму учёной ссылки, фразеологической адаптации или косвенного цитирования, что требует от читателя способности интерпретировать скрытые смыслы [72, с. 522-524].

Историческая отсылка представляет собой прямое упоминание конкретного исторического события, личности или периода. В отличие от аллюзии, она не всегда подразумевает скрытый смысл и обычно не требует от читателя дополнительных знаний для понимания.

А.А. Войченко в статье «Об использовании культурных и исторических аллюзий в рекламе» анализирует, как исторические отсылки формируют

гипертекст, усиливают восприятие аудитории и помогают рекламным материалам взаимодействовать с культурным контекстом [10, с. 119-122].

Примером исторической отсылки может служить использование даты 1776 в американских текстах, что напрямую отсылает к Декларации независимости США. В русской литературе примером является отсылка Л.Н. Толстого к войне года в романе «Война и мир».

Несмотря на пересечения, аллюзия и историческая отсылка не являются идентичными приёмами. Аллюзия характеризуется косвенным намёком и требует интерпретации, что делает её более сложным стилистическим инструментом. Историческая отсылка, напротив, является прямым указанием на историческое событие, личность или факт, сохраняя очевидность и доступность для широкой аудитории.

Например, упоминание «Колесницы огня» ("Chariots of Fire") в контексте английской литературы может быть воспринято как аллюзия на библейскую историю и одновременно как историческая отсылка к событиям Олимпийских игр.

Примером, резюмирующим использование большинства риторических приёмов, может послужить наше исследование, посвященное риторике английских культурологических текстов, "Rhetorics of English Cultural Texts" [79]. Мы анализировали тексты, предоставляющие основные культурные образы графства Гемпшир. При анализе мы опирались на основные положения, представленные в работе американского лингвиста Р. Харриса "Writing with]. Мы определили, что наиболее часто используемыми риторическими приёмами являются аллитерация (24) и анафора (10). Второе место занимает группа приёмов, включающая параллелизмы (7), эпитеты (6), исторические отсылки (5), повторы (5) и гиперболы (4). Третье место делят между собой перечисление (2), олицетворение (2), аллюзия (2), звукоподражание (2) и сравнение (1). Частоту употребления определённых единиц можно увидеть на рисунке 2.

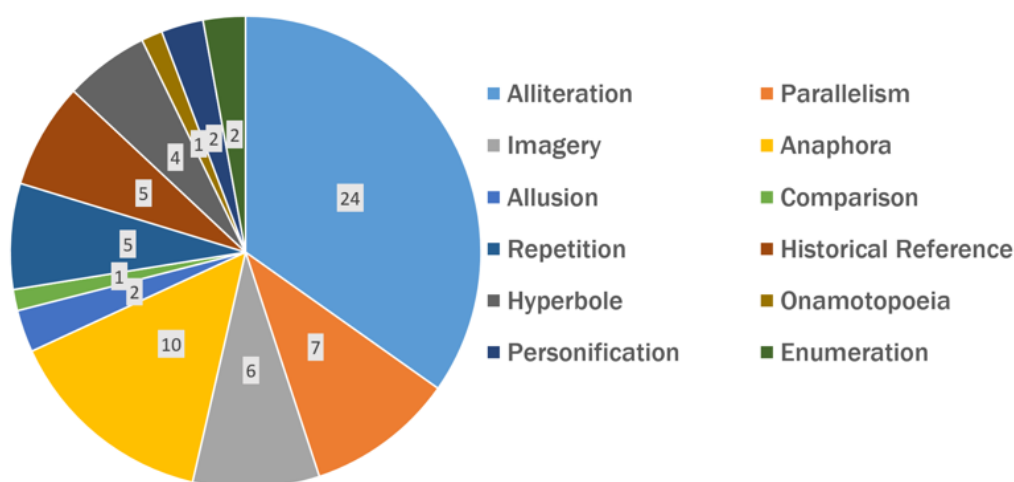

Рисунок 2 – Количество риторических приёмов, найденных в текстах

Использование приёмов определяется авторским стилем и целью текста. Так, в тексте про графство Гемпшир как родину крикета "Cradle of Cricket" преобладает аллитерация, создающая атмосферу исторического матча: *"It was so bitter and cold that as soon as the last wicket fell the players went straight to The Bat and Ball and drunk the pub dry"* [55]. В описании парка Нью-Форест акцент сделан на художественные образы: *"...a scenic area with heathlands, forests and not forgetting the wild New Forest Ponies"* [89].

Исторические ссылки подчёркивают значимость Хэмпшира для Англии: *"...the New Forest was established in 1079 when William the Conqueror named the area his 'new hunting forest'"* [89].

Перечисления вносят ясность, позволяя представить детали быта: *"Excavations have shown that it was a large manufacturing center, producing metal, leather and cloth goods"* [78].

Аллюзии связывают текст с известными личностями, например, с Джейн Остен: *"She was known for proudly reminding people that she was 'a Hampshire born Austen'"* [46].

Сравнения помогают читателю осознать значимость Хэмпшира: *“To give context, second to Milan, it was the wealthiest diocese in the world; It was the second largest town in England, only London was bigger”* [78].

Эпитеты создают образ города в сознании читателя: *“Hamwic was a bustling port...”* [86].

В конечном итоге, мы установили, что совместное использование данных средств помогло создать детальный портрет графства и погрузило читателя в его культурный и исторически контекст.

Таким образом, риторические приёмы, такие как метафора, эпитет, гипербола, олицетворение, сравнение, перечисление, аллюзия и историческая отсылка, представляют собой ключевые инструменты формирования эмоционально-образного восприятия в культурологических текстах. Их применение в русскоязычных и англоязычных текстах определяется культурной спецификой и авторской интенцией, что значительно влияет на процесс перевода и адаптации материала для целевой аудитории. Осознание культурно обусловленных различий в использовании этих приёмов позволяет наиболее эффективно сохранять художественную выразительность и смысловую глубину текста в переводе, обеспечивая адекватную передачу авторского замысла и восприятие оригинала.

Выводы по первой главе

Искусство убеждения через призму риторики представляет собой сложный, многогранный процесс, в котором переплетаются рациональные, эмоциональные и этические компоненты. В первой главе исследования было показано, что риторика, исторически зародившаяся как искусство публичного выступления и аргументации, сегодня обрела широкое применение в различных сферах коммуникации, включая письменные тексты и межкультурный перевод.

Анализ таких центральных понятий, как логос, этос и пафос, позволил выявить их взаимозависимость и комплексный характер воздействия на аудиторию. Логос обеспечивает рациональность аргументации, апеллируя к критическому мышлению и формируя логическую структуру сообщения. Этос

связан с формированием доверия к оратору, создавая основу для восприятия его сообщений как заслуживающих внимания и уважения. Пафос играет ключевую роль в эмоциональном воздействии, позволяя глубже вовлечь аудиторию и создать прочную эмоциональную связь между говорящим и слушателями.

Также была рассмотрена значимость менее изученного компонента – кайроса, или способности выбирать наиболее подходящий момент для сообщения информации. Умение использовать кайрос усиливает убедительность и эффективность коммуникации, делая её особенно актуальной в условиях современной цифровой среды, характеризующейся мгновенностью и высокой динамикой передачи информации.

Кроме того, была подробно рассмотрена межкультурная риторика, выявившая значительные различия между русской и англоязычной традициями. Англоязычная риторика отличается линейностью и ясностью изложения, с акцентом на логическое построение аргументации и прямое выражение мыслей. В русской традиции преобладает высококонтекстность, выражающаяся в большем количестве аллюзий, исторических отсылок и эмоциональной окрашенности, что требует более активного участия и интерпретационной деятельности от читателя.

Отдельное внимание было уделено риторическим приёмам, таким как метафора, эпитет, гипербола, олицетворение, аллюзия, сравнение и перечисление, которые являются важными инструментами формирования выразительности и эмоционального воздействия культурологических текстов. Было отмечено, что данные приёмы активно применяются для вовлечения читателя, создания образности и акцентирования внимания на ключевых аспектах повествования. Особое значение приобретают различия в использовании риторических приёмов в русскоязычных и англоязычных текстах. Например, русская риторическая традиция отличается частым использованием гипербол и эмоционально насыщенных эпитетов, что связано с высоким уровнем эмоциональности и субъективности повествования. Напротив, англоязычные тексты тяготеют к умеренному использованию метафор и чёткой

структурированности перечислений, что соответствует стремлению к лаконичности и прямоте изложения.

При переводе культурологических текстов особо остро встаёт вопрос сохранения риторической выразительности оригинала. Анализ показал, что наиболее сложным является перевод таких приёмов, как аллюзия и олицетворение, которые тесно связаны с национально-культурным контекстом и могут не иметь прямых аналогов в целевой культуре. В связи с этим была подчёркнута необходимость применения гибких стратегий перевода, таких как адаптация, пояснение или замена образов, что позволит сохранить коммуникативный и эмоциональный эффект исходного текста.

Таким образом, первая глава позволила определить риторику как универсальный и гибкий инструмент, эффективность которого напрямую зависит от глубокого понимания его составляющих, их взаимосвязи и культурного контекста коммуникации.

Глава 2 Построение риторически эффективных культурологических текстов

Методология отбора материалов

В предыдущей главе мы выявили ключевые компоненты риторической структуры и провели сопоставительный анализ межкультурной риторики русского и английского языков. Кроме того, нами были подробно изучены основные риторические приёмы и их функциональное использование в текстах культурной тематики. Указанная теоретическая база стала основой для перехода к практической части исследования – разработке культурологических текстов.

Тексты были подготовлены для размещения на площадке культурного центра "Casa Rusa" в Аргентине и ориентированы на представление российской культуры международной аудитории. Деятельность центра направлена на популяризацию российской культуры среди местного населения. Основной целью настоящего проекта стало формирование культурного образа России, адаптированного к восприятию международной аудитории, а также содействие миссии "Casa Rusa" посредством локализованных информационных материалов.

Для реализации данной задачи была выбрана методология, сочетающая элементы ментального картографирования и тематического облака, с опорой на материалы, посвящённые десяти городам России. Выбор городов для построения культурного образа России не является случайным. Все они располагаются вне центральной части страны, охватывая различные географические, климатические, этнокультурные и исторические зоны. Такой подход позволяет избежать стереотипного восприятия России исключительно через призму мегаполисов, которые уже широко представлены как внутри страны, так и за её пределами. Вместо этого в фокус попадают города, демонстрирующие территориальное, культурное и социальное разнообразие:

- Анадырь,
- Архангельск,

- Белгород,
- Сочи,
- Астрахань,
- Орск,
- Барнаул,
- Иркутск,
- Красноярск,
- Владивосток.

Анадырь – столица Чукотского автономного округа, представляет собой уникальный пример российской Арктики и одновременно культурного взаимодействия коренных народов Севера и русской традиции.

Архангельск – один из старейших городов Русского Севера, обладающий богатой историей мореплавания, торговли и деревянного зодчества. Его культурная идентичность связана с поморской традицией, религиозным и фольклорным наследием, что делает его важным для представления северной части России.

Белгород, расположенный на границе с Украиной, играет роль символа пограничного региона с развитым военно-историческим и аграрным прошлым. Его включение позволяет затронуть тему пограничных идентичностей и приграничной культурной специфики.

Сочи – южный город-курорт, символизирующий тёплое Черноморское побережье и многонациональное культурное пространство Кавказа. Благодаря Олимпийским играм и туристической индустрии, Сочи формирует современный имидж России в международном контексте, отличающийся от «северного» стереотипа.

Астрахань – город на Волге с сильным влиянием тюркской и восточной культурной традиции. Его включение подчёркивает многонациональность и историческое многообразие российской идентичности, а также демонстрирует взаимодействие европейских и азиатских культур.

Орск – один из промышленных городов Оренбургской области, находящийся в зоне Урала. Является примером «малого индустриального города» с богатым советским наследием. Его включение позволяет затронуть тему градообразующих предприятий и социальной идентичности рабочих регионов.

Барнаул – административный центр Алтайского края, ассоциируемый с природным разнообразием, аграрной культурой и ремесленным наследием. Его включение представляет Сибирь как территорию устойчивого локального развития и богатой региональной культуры.

Иркутск – один из крупнейших городов Восточной Сибири, расположенный рядом с Байкалом. Объединяет черты классического сибирского города, исторического купеческого центра и «ворот» к сакральным природным объектам. Иркутск позволяет представить транссибирский и байкальский культурные коды.

Красноярск – промышленный, культурный и научный центр Восточной Сибири. Город отличается сильной связью с природной идентичностью (национальный парк «Столбы»), а также ролью крупного транспортного узла и образовательного центра.

Владивосток — крупнейший город Дальнего Востока России, имеющий стратегическое значение как порт и центр взаимодействия с азиатским регионом. Владивосток символизирует «океаническую Россию», открытость внешнему миру и культурное влияние Восточной Азии.

Стоит отметить, что такие крупные города, как Москва и Санкт-Петербург, в рамках настоящего исследования не рассматривались, поскольку уже обладают высокой степенью медийного присутствия и культурной репрезентации.

Для каждого из выбранных городов был сформирован индивидуальный культурный образ, основанный на четырёх-пяти текстах, освещающих ключевые элементы местной идентичности – традиционные праздники, региональные блюда, символику, историко-культурное наследие и достопримечательности (см.

приложение А). Визуальная реализация концепции на одном из первых этапов представлена на рисунке 3, где отображён культурный образ города Анадырь.

Рисунок 3 – Культурный образ города Анадырь

В данном случае образ города раскрывается через тексты о ежегодном традиционном культурно-спортивном фестивале «Корфест», главной достопримечательности края – заливе Анадырский лиман, краеведческом Музейном центре «Наследие Чукотки», морском порте «Анадырь», а также о традиционной эскимосской игрушке – «эскимосском мяче».

В итоговой редакции тексты были структурированы по тематическим категориям, отражённым в таблице 2. Каждая категория включает перечень наименований соответствующих текстов (см. таблицу 2).

Следует подчеркнуть, что, несмотря на фиксированное распределение по восьми категориям, многие тексты можно отнести к нескольким категориям. Например, варенье из сосновых шишек и чурчхелу можно отнести как к категории региональной гастрономии, так и к сувенирной продукции. Аналогичным образом, ряд музейных объектов (например, «Малые Корелы» или Сочинский национальный парк) могут быть одновременно классифицированы как музеи и как природные достопримечательности.

Таблица 2 – Распределение текстов по категориям

1. Сувениры
Символы города/области

Природные достопримечательности

Праздники и фестивали

Памятники и исторические достопримечательности

Продолжение таблицы 2

Градообразующие предприятия

7. Блюда региона
8. Музеи

Следует подчеркнуть, что, несмотря на фиксированное распределение по восьми категориям, многие тексты можно отнести к нескольким категориям. Например, варенье из сосновых шишек и чурчхелу можно отнести как к категории региональной гастрономии, так и к сувенирной продукции.

Аналогичным образом, ряд музейных объектов может быть одновременно классифицирован как музеи и как природные достопримечательности.

В рамках поиска источников, использованных для подготовки текстов, приоритет отдавался государственным и официальным веб-ресурсам, а также признанным средствам массовой информации. При отсутствии релевантных данных на этих платформах использовались специализированные журналы, туристические порталы и тематические блоги. Распределение источников по категориям представлено в таблице 3 (см. таблицу 3).

Как видно из таблицы, в структуре источников преобладают официальные, институциональные ресурсы и авторитетные СМИ, что обеспечивает достоверность и культурную аутентичность собранного материала.

Таблица 3 – Распределение интернет-источников

Категория
1. Гос. портал/официальный сайт
2. Тематический блог/журнал для путешественников
СМИ

Как видно из таблицы, в структуре источников преобладают официальные, институциональные ресурсы и авторитетные СМИ, что обеспечивает достоверность и культурную аутентичность собранного материала.

Говоря о самих текстах и их характере, следует отметить, что они имеют унифицированный формат кратких культурологических описаний. Каждый из них посвящён отдельному объекту: природной достопримечательности,

традиционному блюду, музею или событию. Например, материал о музее-заповеднике «Малые Корелы» акцентирует внимание на архитектуре и атмосфере деревянного зодчества русского Севера, а текст о рододендроне остроконечном описывает его биологические особенности и символическое значение для региона (см. рисунок 4).

Формат каждого текста представляет собой самостоятельную информационную единицу, предназначенную для введения читателя в культурный контекст региона.

Стилистически все тексты выдержаны в публицистически-популярном ключе с элементами просветительского и экскурсионного дискурса. Это проявляется в использовании образной лексики, эмоционально окрашенных определений, а также стремлении сделать описание доступным и привлекательным для широкой аудитории. Например, в тексте о Сочинском национальном парке используются выражения «живописные пейзажи», «уникальные тропические растения», что формирует эстетически насыщенное и позитивное восприятие парка.

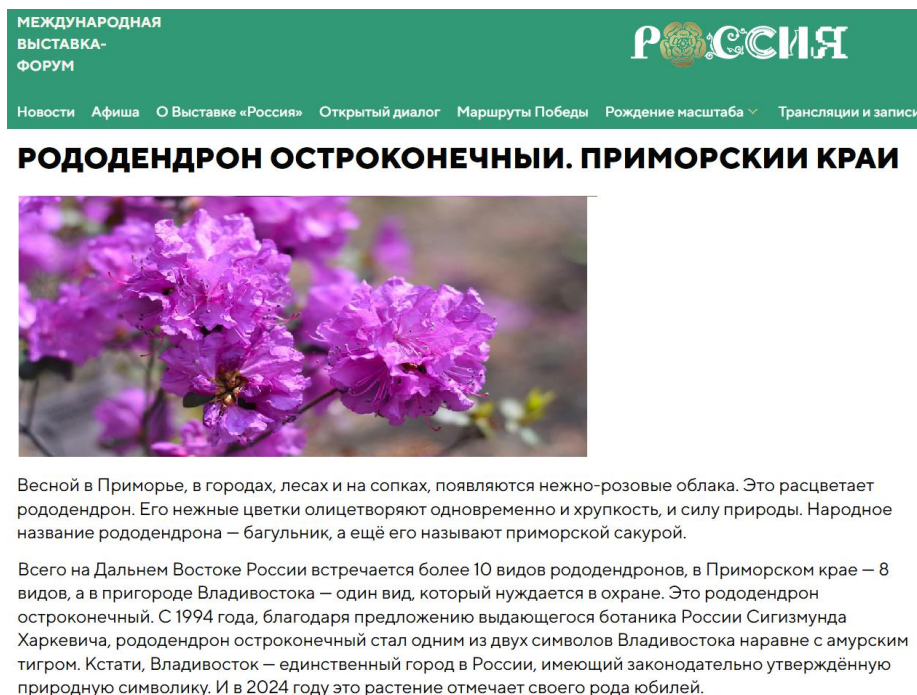

Рисунок 4 – Текст о рододендроне остроконечном с сайта russia.ru

С точки зрения типа повествования преобладает описательный подход. Каждый текст ориентирован на фиксацию признаков, характеристик и контекста объекта без развернутого сюжетного уровня. Однако в ряде случаев присутствуют элементы нарратива — краткие исторические справки или упоминания традиций. Так, в описании праздника «Корфест» указывается, что он проводится ежегодно на Чукотке в период нереста корюшки и сопровождается народными гуляниями.

Языковые средства, использованные в текстах, носят преимущественно описательный характер. Чаще всего применяются имена существительные и прилагательные, придающие тексту информационно-насыщенный и визуально наглядный характер. Например, в описании Арки Цесаревича используется такой эпитет, как «торжественная», который не только уточняет характеристики объекта, но и наделяют его определённой смысловой и символической значимостью. В текстах широко применяются культурно маркированные слова и словосочетания: «дастархан», «бешбармак», «щепная птица счастья», «пуховый платок», что позволяет сохранять этнокультурную специфику.

Структурно каждый текст имеет логически выстроенную композицию, как правило включающую вступление (ввод в тему), основную часть (описание объекта и его характеристик) и заключение (оценка значимости или влияние на культурный ландшафт). Например, текст о Нагорном парке в Барнауле начинается с обозначения его местоположения и значения для города, далее раскрывает его исторический путь и текущую функцию, и завершает утверждением о его значимости как объекта культурного наследия.

Следует подчеркнуть, что данные тексты были созданы с ориентацией на культурно-просветительскую функцию и могут быть отнесены к жанру культурологического эссе или мини-очерка. Их задачей является формирование привлекательного, узнаваемого и аутентичного образа региона или культурного объекта.

Тексты, использованные для формирования культурного образа России, представляют собой единый тематический и стилистический корпус, характеризующийся высокой степенью жанровой и коммуникативной согласованности. Их структура, риторическая организация и языковое оформление соответствуют задачам популяризации культуры и межкультурной презентации региональной специфики.

Тексты отбирались с единой целью – сформировать представление о культурном разнообразии России в доступной и при этом содержательной форме. При этом важную роль сыграла не только наполненность материалов, но и способ их подачи: описательные стратегии, использование эмоционально окрашенной и культурно маркированной лексики, а также установка на просветительскую, а не академическую коммуникацию.

Выбор городов, тематическое распределение материалов и отбор источников демонстрируют целенаправленное стремление обеспечить представительство регионов, находящихся вне традиционного внимания международной аудитории, тем самым расширяя культурный дискурс за пределы уже представленных мегаполисов. Результатом этого этапа стало формирование базы культурологических текстов, подготовленных с учётом межкультурного контекста и подходящих для последующего анализа и создания на их базе новых материалов.

2.2 Сохранение риторических стратегий

На предыдущем этапе были разработаны культурологические тексты, отражающие региональное разнообразие России и ориентированные на международную аудиторию. Однако для эффективной межкультурной коммуникации недостаточно лишь информативного содержания – не менее важно сохранить риторические особенности, характерные для русскоязычного дискурса, и адаптировать их для восприятия англоязычным читателем.

Сравним исходные материалы и переводные тексты и оценим, получилось ли сохранить знаковые для русской риторики элементы. В качестве иллюстративной базы для анализа используются оригиналы и переводы текстов, представленные в приложении Б. Кроме того, проанализируем: получилось ли трансформировать организацию текстов, расшифровать их высокий контекст и в целом сделать его более удобоваримыми для англоязычного реципиента (см. приложение Б).

В ходе проведённого сопоставления были получены следующие количественные результаты: из 16 негативных предложений и конструкций с отрицанием 11 были преобразованы в утвердительные формы, соответствующие нормам англоязычного дискурса. Все 34 безличных предложения оригинала были трансформированы в личные конструкции с явным подлежащим. Общий объём текстов также подвергся изменению: если в исходных материалах количество знаков с пробелами составляло 27 557, то в переводных текстах – 784, что соответствует сокращению объёма на 11,1%.

Эти количественные данные отражают общую тенденцию адаптации текстов под требования англоязычной риторики. Однако для более полного понимания природы этих изменений необходимо обратиться к содержательному анализу. В частности, стоит рассмотреть, как именно сокращение объёма связано с линейной организацией текста и устранением характерной для русскоязычного дискурса избыточности и фрагментарных отступлений.

Характерный пример – текст о национальном парке «Красноярские Столбы». Русский вариант включает развернутое топографическое описание: *“Территория, вытянутая на 34 км с северо-запада на юго-восток, представляет собой типичный участок среднегорного таежного ландшафта. Предельная высота от 200 до 840 м над уровнем моря. Самая высокая точка находится на Кайдынском хребте. Границы нацпарка: северная – р. Енисей, северо-восточная – р. Базаиха, южная – р. Мана.”* Здесь детализированы протяжённость, высотные параметры, ландшафтная характеристика и географические границы. Всё это в переводе полностью опущено. Перевод

ограничивается общей оценкой: *“The park covers 48,066 hectares and stretches 34 km through the Eastern Sayan foothills (a mountain range in southern Siberia)”*, после чего внимание сразу переключается на главную достопримечательность – *“Its main attraction is the giant syenite rock formations shaped by nature into towers, animals and mythical creatures”*. Таким образом, весь пласт топографической и географической информации, представленный в русском тексте, исключён как второстепенный для англоязычного реципиента. Сохранена лишь одна цифра (площадь, занимаемая парком) и одна географическая привязка (*the Eastern Sayan*

Также показательна разница в синтаксической структуре. Русский текст насыщен сложноподчинёнными конструкциями, например: *“Национальный парк «Красноярские Столбы» – удивительный по красоте и разнообразию, потрясает масштабными и разнообразными ландшафтами, уникальной сибирской природой”*, где через одно предложение даются три экспрессивные характеристики с градацией. В переводе аналогичный фрагмент преобразован в простую структуру: *“This stunning national park amazes visitors with its diverse landscapes and unique Siberian nature.”* Все элементы сведены в одно короткое предложение с минимальной синтаксической вложенностью, без повторов и избыточных эпитетов. Подобная трансформация делает текст менее эмоциональным, но более сфокусированным и доступным для восприятия.

В переводе текста о варениках также наблюдается значительное сокращение. Русский оригинал насыщен пояснительными вставками: *“в ночь с 13 на 14 января на земле царит особая атмосфера волшебства...”*, *“не только готовили... но и с помощью них узнавали свою судьбу...”*. В переводе фраза *“the night from January 13 to 14 is filled with magic, making it the perfect time for fortune-telling”* аккумулирует сразу несколько оригинальных смыслов, экономя текстовое пространство и структурируя его линейно. Общий объём текста в английской версии сокращён примерно на 30%.

Показателен также текст о Дне степи. Оригинальный текст включает не только описание праздника, но и историко-экологический контекст:

детализированное объяснение причин утраты степных ландшафтов и необходимость формирования системы охраны. В переводе остаются только тезис о празднике, его цель и краткое пояснение: *“Large parts of the steppe had disappeared due to human activity...”*. Всё, что связано с хозяйственным освоением, потерей биоразнообразия, деталями природоохранных механизмов, либо опущено, либо сведено к минимуму. Общий объём перевода – почти вдвое меньше оригинала.

Пример изменения структуры и повышения линейности при переводе можно наблюдать и в тексте о Музейном центре «Наследие Чукотки». Русский оригинал выстроен по принципу градации и накопления информации: сначала говорится об *«уникальном природном, историческом и культурном своеобразии»*, затем об отражении всех этапов развития региона, а затем перечисляются типы экспонатов. Конструкция перегружена уточнениями: *«в музейное собрание входят предметы этнографии, традиционного быта, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства, среди которых – уникальные экспонаты XIX в., ритуально-обрядовые предметы, детали шаманской и погребальной одежды, старинное вооружение...»*. Это синкретическая структура с вложенными синтаксическими уровнями и тематическими отступлениями. В английской версии структура кардинально упрощена: *“The Heritage of Chukotka Museum Center shows the unique nature, history, and culture of the region. Its collections reflect important moments in Chukotka’s past. The museum has ethnographic items, traditional household objects, and works of art. Some exhibits are from the 19th century. There are ritual objects, shaman and burial clothing, old weapons, and ancient Eskimo artefacts.”* Перевод дробит исходный массив информации на короткие, линейно выстроенные предложения. Тем самым устраняется характерное для русского дискурса кумулятивное наращивание, создающее эффект погружения, но затрудняющее восприятие для иноязычного читателя.

Форма подачи информации в переводах также подверглась очевидному изменению, связанному с абзачным членением текста. В то время как оригиналы

часто оформлены как один или два плотных абзаца, содержащих разветвлённые синтаксические конструкции, английские версии разбиты на короткие абзацы, каждый из которых выполняет риторически завершённую функцию. Например, в тексте про Иркутского бабра исходник представляет собой монолитный абзац, объединяющий этимологию, мифологический контекст и описание памятника. Перевод делит этот материал на два абзаца: первый – о восприятии бабра и его реальной природе, второй – о символическом статусе и памятнике в центре города. Это типичная для англоязычного дискурса практика: структурировать каждую логическую единицу в отдельный абзац, чтобы облегчить восприятие и акцентировать внимание на ключевых аспектах.

Абзацное членение в переводах не является чисто формальной правкой; оно отражает риторическую переработку материала: от русского синкретического и ассоциативного стиля – к англоязычному дискурсивному, в котором каждая микротема обособляется. Это особенно видно в текстах о чурчхеле, рододендроне, Барнаульском парке, где в оригинале почти вся информация сосредоточена в одном блоке, а в переводе передана тремя-четырьмя абзацами с чётко выраженными функциями: вводная формулировка → культурный или природный контекст → современное значение или применение.

Одним из ключевых различий между русской и англоязычной риторическими традициями, на которое указывает контрастивная риторика, является степень ответственности за понимание текста. В анализируемых переводах можно наблюдать многочисленные примеры того, как исходные тексты, ориентированные на «ответственного читателя», преобразуются в тексты, где ответственность за понимание берёт на себя автор/переводчик.

Так, в переводе текста о Николаевских триумфальных воротах во Владивостоке термин «Городская дума» сопровождается пояснением: *“The City Duma (a city-level legislature in Russia)”*. В русскоязычном оригинале дополнительного контекста не даётся, предполагается, что читатель сам соотнесёт данное понятие с его институциональной функцией. Англоязычный

читатель, не обладающий подобным знанием, получил бы недостаточную информацию без разъяснения.

Сходный приём реализован в тексте об иркутском символе – бабре. В оригинале говорится: «бабрами на якутском языке называли уссурийского либо амурского тигра». В переводе содержится дополнительная справка: *“the Yakut language (language spoken by the Yakuts, a Turkic ethnic group native to North Siberia)”*. Это пояснение представляет собой введение фонового знания, не обозначенного в оригинале. Предполагаемая культурная осведомлённость русского читателя заменяется явным разъяснением для англоязычного адресата.

Переход к линейности и более четкой структуре английского языка наблюдается и на уровне отдельных предложений, а именно порядка слов. Как мы уже упоминали в параграфе 1.2, одним из ключевых синтаксических различий между русским и английским языками является степень свободы в организации порядка слов. В переводах это отличие требует обязательной перестройки оригинальной структуры высказывания. В тексте о бабре оригинальное предложение построено с инверсией и экспрессивным выделением: *«Тем не менее, бабр в Иркутске во всей красе представлен на гербе, а в центре города ему даже установили памятник»*. В данном случае порядок слов нарушает стандартную схему SVO (subject – verb – object): дополнение предшествует подлежащему. В английском переводе эта структура заменена на прямую: *“It proudly stands on the city’s coat of arms, and in the heart of Irkutsk, a monument celebrates this majestic beast.”* Здесь в первом предложении структура нормализована (It – subject, stands – verb), а во втором подчёркивается субъект действия (*a monument celebrates* – вместо безличного оборота). Таким образом, два синтаксически «непрямых» русских предложения трансформированы в линейно оформленные англоязычные высказывания.

В описании Музейного центра «Наследие Чукотки» русская версия содержит длинные синтаксически насыщенные конструкции, например: *«Уникальное природное, историческое и культурное своеобразие Чукотского региона представлено богатейшими коллекциями Музейного центра...»*. Здесь

сказуемое «*представлено*» находится в финале, а подлежащее растянуто за счёт однородных членов. В английском варианте фраза преобразована в два простых предложения: “*The Heritage of Chukotka Museum Center shows the unique nature, history, and culture of the region. Its collections reflect important moments in Chukotka’s past.*” Синтаксически перегруженное предложение было разделено на два, каждое из которых оформлено по модели SVO, а подлежащее в обоих случаях вынесено в начало.

В тексте о мосте «Европа-Азия» оригинал демонстрирует типичную для русского языка вариативность порядка слов: «*Мост уникальный, так как соединяет два берега реки, находящихся в разных частях света*». Сначала появляется именная часть «*мост уникальный*», затем объяснение с вводной конструкцией. В английской версии структура становится более ясной: “*What It connects two riverbanks in different parts of the world.*” Сначала строится тематическая рамка (*what makes it unique...*), далее следует чёткое пояснение. При этом предложение с пояснением строится строго по модели подлежащее–сказуемое–дополнение (*it connects two riverbanks...*), без обособлений или перемещений.

В тексте о Старооскольской игрушке в оригинале используется порядок слов, акцентирующий место действия: «*Центром игрушечного промысла на Белгородчине был Старый Оскол*». Глагол-связка размещена в финальной позиции, что типично для экспрессивной русской речи, тогда как в переводе структура подчиняется англоязычному синтаксису: “*Stary Oskol town was the region.*” Подлежащее и сказуемое следуют сразу друг за другом, вводное обстоятельство удалено из приоритетной позиции. Тем самым информационный фокус смещён от места действия к теме высказывания, а порядок слов нормализован.

В тексте о рододендроне также реализуется похожая перестановка. В оригинале: «*Всего на Дальнем Востоке России встречается более 10 видов рододендронов, в Приморском крае – 8 видов, а в пригороде Владивостока – один вид, который нуждается в охране*». В переводе: “*The Russian Far East is home to*

over 10 species of rhododendrons, with 8 found in Primorye. Only one species grows near Vladivostok and it is the sharp-lobed rhododendron that needs protection.”

Структура строго линейна, предложение содержит два простых высказывания, соединённых союзом, каждое из которых сохраняет прямой порядок слов. Эллипсис устранён, подлежащие (*one species, it*) обозначены явно в обоих случаях.

На уровне предложений и конструкций стоит также взглянуть на безличные предложения и конструкции, несвойственные английскому языку и риторике.

Так, в тексте о Байкале в оригинале читаем: *«В чаше Байкала сосредоточена пятая часть всех пресных вод планеты»*. Конструкция безличная: сказуемое стоит в форме страдательного залога, а подлежащее – в постпозиции. В английском переводе этот фрагмент представлен так: *“Baikal... ifth of the planet’s freshwater”* – подлежащее вынесено в начало, глагол стоит в активной форме. Это типичная стратегия адаптации: безличная конструкция преобразована в личную, с активным субъектом действия.

Аналогичная трансформация наблюдается в тексте о Старооскольской игрушке: *«После высыхания их расписывали разведённой с водой красной глиной»*. Здесь субъект действия не обозначен. В переводе появляется явное подлежащее: *“Artisans painted them with diluted red clay after drying.”* Вводится подлежащее *“artisans”* – формально отсутствующее в оригинале, но логически подразумеваемое. Это подчёркивает обязательность подлежащего в английской структуре и отражает англоязычную риторику, ориентированную на точное указание действующего лица.

Рассмотрим предложение из текста про пуховые платки: *«Истинной гордостью Оренбургской области считаются пуховые платки»*. Оригинальное предложение представляет собой безличную конструкцию, оформленную через страдательный залог (*считаются*) и именную часть сказуемого (*истинной гордостью*). Подлежащее (*пуховые платки*) формально присутствует, однако грамматически вторично по отношению к сказуемому, а сам субъект

высказывания в русском контексте стилистически размыт. В переводе: *“The Orenburg shawl is a true symbol of pride for the region.”* реализуется конструкция с чёткой структурой. Подлежащее (*The Orenburg shawl*) занимает начальную позицию, глагол-связка (*is*) напрямую соединяет его с именной частью сказуемого (*a true symbol of pride*). Конструкция приобретает грамматическую завершённость и семантическую направленность.

Показательно и следующее предложение из текста про фестиваль «На гребне»: *«Можно чуть поджарить, можно есть сырым с соевым соусом прямо из раковинки»*. Оригинал представлен как типичная безличная модальная конструкция с использованием вводного слова *можно*. Подлежащее отсутствует, действие подаётся как потенциальное, обобщённое, не привязанное к конкретному деятелю. В переводе видим следующую трансформацию: *“You can lightly sear it or eat it raw with soy sauce straight from the shell.”* Безличная модальность трансформирована в личную форму с подлежащим “you”, которое в данном случае не обозначает конкретного адресата, но служит грамматическим заполнителем субъектной позиции, создающим эффект обращения к читателю. Такие обращения, кстати, довольно распространены в англоязычном дискурсе.

Наконец, в описании варенья из шишек встречается выражение: *«Пара ложек сиропа, крепкий горячий чай, шишечка на десерт – словно в баньке побывал»*. В английском переводе этот фрагмент оформлен так: *“A spoonful of syrup, a hot cup of tea, and a pinecone for dessert feels like stepping into a cozy banya.”* – используется оборот с *it feels like*, предполагающий формальное подлежащее, что соответствует структуре англоязычного дискурса.

В рамках анализа текстов и их переводов, особый интерес представляет вопрос передачи высокого контекста, характерного для русскоязычной культурной риторики. Анализ ряда примеров показывает, как именно решалась эта задача при переводе.

В тексте о магнолии крупноцветковой содержится прямое указание на культурно-исторический контекст: *«В советское время цветущие ароматные деревья, в изобилии растущие на приморских набережных и вокруг*

танцплощадок Сочи, привлекали к себе внимание поэтов. Так в 80-х годах родилась песня о городе-курорте “В краю магнолий”». Это высказывание несёт культурную нагрузку: оно апеллирует к коллективной памяти, музыкальной традиции позднего СССР, к советской визуальной и поэтической мифологии юга России. В переводе сохраняется часть этого контекста: *“Poets admired the fragrant magnolia trees that grew abundantly along seaside promenades and dance floors in Sochi during the Soviet era. Their beauty inspired the 1980s song ‘In the Land of Magnolias’ dedicated to the resort city.”* Мы сознательно оставили прямое упоминание песни и ввели контекст советской эпохи, тем самым позволяя англоязычному читателю уловить историко-культурную окраску.

Другой пример – история арки Цесаревича (Николаевские триумфальные ворота). Русский текст содержит подробное историческое обоснование создания памятника, его символику и судьбу в советский период: *«В советский период арку демонтировали»*. Здесь подразумевается не просто факт демонтажа, но и культурно-идеологический конфликт между имперским и советским дискурсами. В переводе: *“The arch had long symbolized Vladivostok’s maritime gateway, but authorities demolished it during the Soviet era”* – этот культурный сдвиг сохранён. Хотя фраза *“authorities demolished it”* нейтральна по тону, она сохраняет информацию о разрыве культурной преемственности.

В описании варенья из шишек русская фраза *«словно в баньке побывал»* несёт не только образное, но и культурно-эмоциональное значение – это ссылка на телесный, чувственный опыт «очищения» так свойственный русской культуре. В переводе: *“A spoonful of syrup, a hot cup of tea, and a pinecone for dessert feels”* – аллюзия сохранена с обязательным пояснением в скобках (*Russian sauna*), что позволяет сохранить образ и одновременно обеспечить его понимание.

Во многих текстах, представленных в корпусе, часто используется пафос: авторы стремятся вызвать у читателя эмоциональный отклик через оценочные эпитеты, образные выражения, культурно-насыщенные метафоры и персонализированное обращение. Типичным примером служит описание

Оренбургского пухового платка, где встречаются фразы: «*истинной гордостью*», «*тончайший пух*», «*нежные и мягкие изделия*», «*вязаное золото*», «*произведения искусства*». Автор выражает гордость и восхищение, формируя пафос высказывания. В переводе эмоциональный заряд в целом сохранён: “*a true экспрессия* чуть более сдержанна, в переводе были сознательно сохранены ключевые метафоры и эпитеты, что обеспечивает воспроизводимость эмоциональной интенции.

Сильное эмоциональное воздействие видно в описании фестиваля «Корфест», где русский текст оформлен через образность: «*маленькая серебристая рыбка*», «*яркий фестиваль*», «*азартные рыбаки*». Эти элементы формируют живое, динамичное впечатление. Перевод успешно передаёт это настроение: “*tiny silver fish (which surprisingly smells like cucumbers)*”, “*vibrant KorFest festival*”, “*passionate fishermen*”, – при этом удачно адаптированы культурно-специфические реалии, что помогает сохранить эмоциональный ритм оригинала.

Особое внимание заслуживает текст об Оренбургском лётном училище. Здесь этос доминирует над пафосом: приводятся точные данные – «*28 тысяч лётчиков*», «*252 Героя Советского Союза*», «*4 космонавта*». В переводе весь набор чисел сохранён без искажений: “*28,000 pilots and navigators*”, “*252 Heroes of the Soviet Union*”, “*4 cosmonauts*”. Тем самым этос как компонент риторики полностью воспроизводится: авторитетность, историческая значимость, внушающая уважение статистика – всё это присутствует и в русской, и в английской версии текста.

В тексте о варенье из шишек доминирует пафос: используются выражения типа «*концентрированный вкус тайги*», «*словно в баньке побывал*», «*рецепт от зимнего одиночества и осенней хандры*». Эти фразы не столько описывают продукт, сколько создают атмосферу. В переводе данная эмоциональность адаптирована: “*feels like stepping into a cozy banya (Russian sauna)*”, “*the perfect cure for winter blues and autumn melancholy*” – мы нашли адекватные образы,

позволяющие сохранить пафос, но делающие его доступным англоязычному восприятию через понятные культурные аналоги.

Перейдём к более частным примерам на уровне слов и словосочетаний. В первую очередь следует отметить разную частотность употребления отрицательных конструкций. При переводе мы не нарушили риторику английского языка и избежали большого количества отрицательных конструкций в тексте.

Так, в тексте о бабре (Иркутск) наблюдается значимая трансформация. Оригинальное предложение выглядит так: «*Тем не менее, бабр в Иркутске во всей красе представлен на гербе...*» и содержит скрытое противопоставление через отрицание ожидания (предполагаемая мифичность и реальное существование). В переводе эта структура заменена утвердительной: “*The babr still has taken on a Irkutsk.*” – без какой-либо формы отрицания.

Подобное упрощение прослеживается в тексте о сочинском национальном парке. В русском оригинале финальная часть звучит следующим образом: «*И все эти бесценные сокровища открыты для туристов круглый год.*» Структура построена на скрытом отрицании – подчёркивается неожиданность доступности («не закрыты», «несмотря на статус»). В английском варианте используется утвердительная формулировка: “*Tourists can enjoy these wonders year-round*”. Здесь не только устранено скрытое отрицание, но и реализован более прямой, доступный способ выражения.

Также показателен пример из текста о фестивале вареников в Белгороде. В оригинале: «*14 января является необычной датой... они готовили... но и с помощью них узнавали свою судьбу...*». Конструкция «не только... но и...» в русском языке подчёркивает отклонение от нормы и обыгрывает контраст между кулинарной функцией и функцией гадательной. В переводе же отрицания нет: “*They prepared traditional Russian dish vareniki (potato dumplings) and also used them to predict their future...*”.

Подобная стратегия проявляется и в переводе текста о Дне степи. В оригинале «*Ко второй половине XX века мы практически лишились степей...*»

используется эмоционально нагруженная конструкция с частицей «практически», подчёркивающая утрату. В переводе видим следующее: *“Large parts of the steppe had disappeared due to human activity by the mid-20th century”*. Глагол *“disappear”* используется в страдательной конструкции, дистанцируя читателя от действия.

Хочется также отметить, что в данном примере устраняется личностная форма *«мы лишились»*. Это помогает не только, как мы упомянули выше, дистанцировать читателя, но и сделать для него, как для представителя индивидуалистской культуры, текст более комфортным к прочтению.

Интересен также случай из текста о церкви Параскевы Пятницы. В оригинале упоминается: *«...чтобы вымолить себе жениха, невесту, детей или избавление от болезней»*. Последний элемент – *«избавление от болезней»* – маркируется отрицательной семантикой. В переводе эта часть трансформирована в утвердительную: *“Pilgrims walked here for centuries to pray for marriage, children healing.”* Переход от негативной формы (устранение нехватки) к позитивной (обретение здоровья) помог улучшить текст и сделать его более удобоваримым для англоязычного реципиента.

Проведённый анализ показывает, что в процессе перевода русскоязычных культурологических текстов была реализована целенаправленная риторическая трансформация, направленная на адаптацию содержания под особенности англоязычного дискурса. При переводе нами последовательно устранялись структурные и семантические черты, типичные для русской риторики: безличность, инверсия, синтаксическая громоздкость, а также скрытые отрицания. Они заменялись на конструкции с чётким подлежащим, прямым порядком слов, синтаксической простотой и положительной модальностью. Одновременно наблюдается устойчивое стремление к сокращению текстов и устранению второстепенной, культурно перегруженной информации, что соотносится с англоязычной нормой линейной, прагматически сфокусированной подачи материала. Стратегия разукрупнения синтаксических блоков, переход к абзацной структуре, замена высококонтекстных аллюзий пояснительными

конструкциями, а также усиление авторской ответственности за понимание – всё это свидетельствует о сознательной установке на перевод, ориентированный на нормы англоязычного дискурса. В результате в большинстве случаев удалось сохранить риторическое воздействие оригиналов, при этом трансформировав форму таким образом, чтобы она соответствовала ожиданиям и восприятию англоязычного реципиента.

Адаптация риторических приёмов как стилистико-культурных маркеров

После анализа структурных и содержательных аспектов текстов целесообразно перейти к рассмотрению одного из ключевых уровней адаптации – сохранению и трансформации риторических приёмов. В отличие от общей риторической структуры, риторические приёмы – это конкретные стилистические инструменты, выполняющие экспрессивную, эмоциональную и акцентную функции. Их сохранение или адаптация при переводе позволяет передавать не только информацию, но и культурно-смысловое содержание.

Риторические приёмы, зафиксированные в оригинальных текстах, были предварительно классифицированы и сведены в приложение А (см. приложение А), что позволяет проследить факт их сохранения, адаптации или опущения в переводных текстах.

Сопоставим оригинальные и переводные тексты на предмет сохранения риторических приёмов (см. приложение Б). Сравнительный анализ показал, что примерно 60% риторических приёмов были сохранены полностью, 30% с – адаптированы, и только 10% – утрачены. Это говорит о высокой степени сохранения выразительности при переводе. Данное соотношение можно увидеть на диаграмме (см. рис. 5).

На конкретных примерах рассмотрим процесс сохранения и адаптации риторических приёмов. Начнём с эпитетов. Характерным примером является передача эпитета «*колоритный*» в словосочетании «*колоритное событие*»,

использованного в описании фестиваля «Енисейская уха». В оригинале оно не только подчеркивает яркость события, но и отмечает его местный, аутентичный характер. В переводе используется прилагательное “*vibrant*”, которое также является эпитетом. Несмотря на то, что “*vibrant*” несёт в себе более универсальное значение, чем «колоритное» (с его оттенком этнографической и культурной специфики), оно адекватно выполняет свою функцию в английском тексте: создаёт образ живого, яркого праздника. Рассмотрим и другие примеры.

В тексте о рододендроне остроконечном эпитет «*нежно-розовые облака*», с помощью которого цветок сравнивается с облаками, передан как “*soft pink clouds*”. Это выражение точно воспроизводит эмоциональную окраску оригинала, передавая и визуальное, и чувственное восприятие цветка.

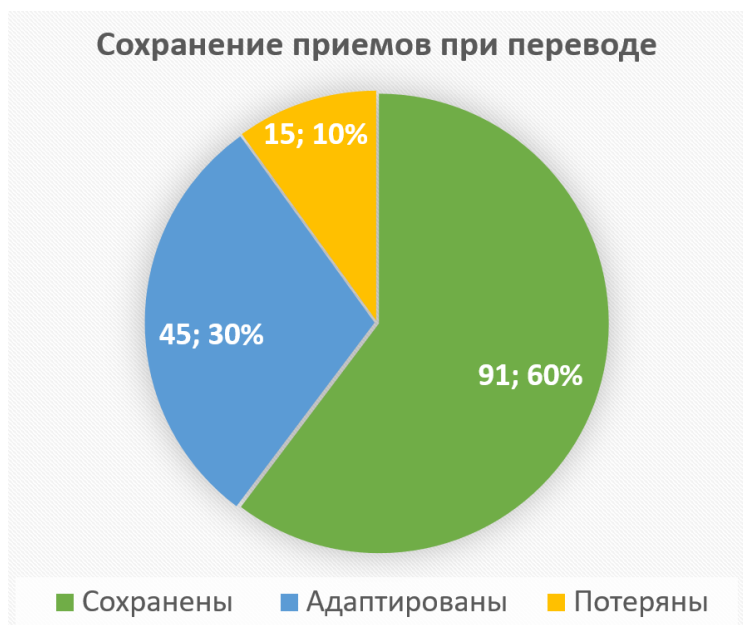

Рисунок 5 – Сохранение приёмов при переводе

В описании оренбургского пухового платка автор также делает выбор в пользу эпитета «*нежных изделий*», который помогает передать высокое качество и то, насколько приятны платки для человека. В переводе данный эпитет преобразуется в “*delicate pieces*”. Здесь наблюдается точное соответствие между оригиналом и переводом: англоязычные эпитеты не только передают тактильные качества материала, но и сохраняют эмоциональный тон – гордость, восхищение,

утонченность. Кроме того, сохранены такие метафорические эпитеты, как *“knitted gold”* (ориг. «вязаное золото»), что особенно важно для риторического эффекта текста.

В описании Сочинского национального парка эпитеты *«красивейшие»*, *«древние»* успешно отражены в английской версии через *“breathtaking”*, *“ancient”*: *“breathtaking waterfalls”*, *“ancient dolmens”*. Мы сознательно продублировали экспрессивные характеристики, создавая насыщенный описательный ряд, что соответствует цели – представить объект как культурно-природную ценность.

Также интересен пример из текста о варенье из шишек, где оригинал содержит эпитеты *«эксклюзивный»*, *«концентрированный»*, *«ароматный»* и опять *«нежные»*. В переводе они передаются с использованием прилагательных *“one-of-a-kind”*, *“rich with the aroma”*, *“softened cones”*. Несмотря на незначительные семантические сдвиги, перевод сохраняет общий эффект: создаётся образ уникального продукта с характерной атмосферой уюта и тепла.

В описании музея деревянного зодчества «Малые Корелы» используется ряд поэтических эпитетов: *«высокие рубленые избы»*, *«торжественно-изящные храмы»*, *«колоритные северные виды»*, *«лиричная песня»*, *«цветастый хоровод»*. При переводе они были частично сохранены: *“towering log houses”*, *“elegant churches”*, *“scenic northern landscapes”*, *“colorful, joyful celebration”*. Некоторые характеристики, такие как «лиричность» песни, опущены, но ключевые визуально-эмоциональные качества переданы корректно.

Анализ переводов культурологических текстов показывает, что сохранение метафорической образности – одна из сложных, но важных задач при межкультурной адаптации. В целом нам удалось сохранить значительную часть метафор, особенно в тех случаях, где они являются ключевыми для риторического и эмоционального воздействия оригинала.

Первый показательный пример – текст о национальном парке «Русская Арктика». В исходном тексте используется метафора *«край земли»*, подчеркивающая отдалённость, суровость и символическое значение

географического пространства. В переводе она передана как *“the edge of the world”*, что сохраняет образность и культурный эффект оригинала. Более того, эта метафора широко понятна и в англоязычном мире, где она ассоциируется с мифом об удалённости, неизведанности и романтизированным пограничьем цивилизации. Сопоставим это с другими случаями.

В тексте о каспийском лотосе встречается выражение *«жемчужина Астраханской дельты»*, представляющее собой устойчивую метафору ценности и красоты. В переводе она передаётся как *“a true gem of the Astrakhan Delta”*, что полностью сохраняет метафорический смысл и экспрессивность. Переводчик использует привычный для англоязычного читателя аналог, что позволяет сохранить пафос оригинала.

Похожий приём наблюдается в описании Астраханского кремля, где он назван *«жемчужиной архитектуры Нижнего Поволжья»*. В английском варианте: *“a gem of Lower Volga architecture”* — тот же приём калькирования устойчивой метафоры с сохранением риторического эффекта.

Интересным случаем является описание музея «Малые Корелы»: *«портал, переносящий в атмосферу былинного Севера, где на каждом шагу ждёт сказка»*. В переводе: *“This place feels like a portal to the legendary Russian North, where every step brings a fairy tale to life”*. Здесь метафора «портала» сохранена дословно, с усилением её образной функции через конструкцию *“feels like”*, а образ «сказки» также передан буквально (*fairy tale*), что сохраняет мифопоэтическую интонацию текста.

В тексте о национальном парке «Красноярские Столбы» скалы описаны как *«великаны с угадываемыми очертаниями людей, животных и мифологических существ»*. В переводе: *“giant syenite rock formations shaped by nature into towers, animals and mythical creatures”* – метафора антропоморфных и зооморфных скал сохранена, хотя она несколько конкретизирована и рационализирована. Тем не менее, ключевой визуальный образ передаётся.

Отдельного внимания заслуживает текст о Часовне Параскевы Пятницы, где восьмигранное здание названо *«заметным ориентиром»*, играющим

«важную роль в панораме города». В переводе используется выражение “*marks one of the best viewpoints in the city and plays a key role in its skyline*” – метафора «визуальной доминанты» интерпретируется в терминах архитектурного восприятия (*skyline*), что полностью соответствует англоязычной традиции.

В некоторых случаях мы сознательно отказывались от прямой метафоры, если она культурно или стилистически труднопереводима. Например, выражение «рецепт от зимнего одиночества и осенней хандры» (текст про варенье из шишек) передано как “*the perfect cure for winter blues and autumn melancholy*” – метафора сохранена, но адаптирована: «рецепт» переосмыслен как “*cure*”, а «хандра» – как “*blues*”, что ближе к англоязычной идиоматике.

Таким образом, в большинстве случаев переводчик не просто сохраняет метафоры, но и адаптирует их с учётом когнитивных и культурных ожиданий целевой аудитории. Метафорическая образность остаётся важной частью риторической стратегии перевода, способствующей воспроизведению эстетики, пафоса и культурной глубины оригинальных текстов.

Сохранение синтаксических и стилистических элементов, таких как перечисления, представляет собой значимый компонент адаптации риторики. В большинстве случаев нам удалось не только передать структуру перечислений, но и сохранить их ритмическую и смысловую функцию.

Характерным примером является фрагмент из текста о заповеднике «Белогорье»: «*На участках резерватов произрастают черемуха, бородавчатый бересклет, тимьян, шалфей, ковыль, осока, проломник Козо-Полянского*». В английском переводе эта структура точно воспроизведена: “*Various plants grow here, including bird cherry trees, warty spindle trees, thyme, sage, feather grass, sedge and the rare Kozo-Polyansky breakstone*”. Здесь сохраняется как количество элементов, так и их последовательность, завершающаяся выделением редкого вида. Это соответствует риторической модели, при которой последнее звено в цепочке получает максимальное акцентное значение.

В тексте о фестивале «Корфест» в оригинале мы видим следующее перечисление: «*Каждый желающий может поучаствовать в состязании по*

перетягиванию каната, потягать гири и сыграть в мини-футбол». В переводе: “*Guests can test their strength in a tug-of-war contest, lift kettlebells or play mini-football on the ice*”. Перечисление сохранено в полном объёме, при этом мы передали грамматическую параллельность и стилистическую динамичность через использование активных глаголов (*test, lift, play*), соответствующих оригинальной экспрессии.

Подобная точность наблюдается и в тексте о музейном центре «Наследие Чукотки», где оригинальное перечисление: «*предметы этнографии, традиционного быта, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства...*» – преобразовано в: “*ethnographic items, traditional*”. Хотя английская версия сокращена, она сохраняет трёхчленную структуру и тематику каждого компонента. В последующем фрагменте: «*ритуально-обрядовые предметы, детали шаманской и погребальной одежды, старинное вооружение*» – используется: “*ritual objects, shaman and burial clothing, old weapons...*”, что демонстрирует риторическую эквивалентность в формировании смыслового ряда.

В тексте о Сочинском национальном парке представлен один из самых ёмких примеров кумулятивного перечисления: «*редкие растения и животные, в том числе реликтовые и занесенные в Красную книгу, красивейшие водопады, пещеры, каньоны и ущелья, озера и источники с минеральной водой, древние дольмены и курганы, старинные крепости и храмы*». В переводе: “*rare plants and animals, including relic species and those listed in the Red Book. The park features breathtaking waterfalls, caves, canyons, gorges, lakes and mineral springs. Ancient dolmens, burial mounds, fortresses and temples...*” Мы не только сохранили весь набор перечисляемых объектов, но и грамотно распределили их по отдельным предложениям. Это облегчает восприятие англоязычным читателем, при этом не разрушая кумулятивной функции оригинала.

Текст о лётном училище в Оренбурге также содержит пример точной передачи статистического перечисления: «*28 тысяч лётчиков и штурманов. Из них было 252 Героя Советского Союза, 10 дважды Героя Советского Союза и 4*

космонавта». В переводе: *“The school has trained 28,000 pilots and navigators...*

T

h

e Таким образом, можно утверждать, что нам удалось сохранить и адаптировать большинство перечислений. В зависимости от контекста мы прибегали либо к дословной передаче, либо к структурному преобразованию (разделение на предложения, редукция, перестановка), но при этом сохраняли основную функцию перечислений – создание когнитивной схемы восприятия, усиление информативности и ритма высказывания.

e Анализируя гиперболы, можно утверждать, что нам удалось сохранить ключевые гиперболические конструкции, адаптируя их под англоязычные нормы, где гипербола реже используется в столь откровенной форме, но часто передаётся через усиленные прилагательные или сравнительные конструкции.

o Показательный пример – гипербола из текста о Байкале: *«нет на планете другого столь могучего и глубокого озера-моря»*. В переводе она передана как *“Baikal is the mightiest and deepest lake in the world”*. Здесь сохраняется гиперболическая структура, переданная через превосходную степень сравнения *“the mightiest and deepest”*, что позволяет сохранить риторическую силу высказывания. Более того, замена фрагмента с отрицанием на утвердительную форму соответствует англоязычной риторике и усиливает пафос утверждения.

e Аналогичная гиперболическая формула используется в описании бременбургского пухового платка, где утверждается: *«ажурные паутинки можно даже протянуть через обручальное кольцо и спрятать в скорлупку яйца»*. В переводе: *“The most intricate lace shawls are so thin they can pass through a wedding ring or even fit inside an eggshell”* – здесь гипербола сохранена в полном объёме.

e В описании каспийского лотоса используется выражение: *«образовал ни много ни мало, а одну из самых больших в мире популяций»*, что демонстрирует типичную для русского стиля экспрессивную гиперболу. Мы интерпретировали это как: *“grows into one of the world’s largest lotus populations...”*. Гипербола

i

o

n

d

P

A

G

E

сохранена, что делает утверждение одновременно убедительным и эмоционально насыщенным.

В описании Нагорного парка в Барнауле встречаем выражение: «*самый протяженный в мире ленточный бор*». Перевод: “*the world’s longest ribbon forest*” – гипербола полностью воспроизведена с использованием превосходной степени сравнения и подчёркивает уникальность географического объекта.

Вышеупомянутый сравнительный анализ оригинальных текстов и их переводов позволяет выявить, как мы работали с таким риторическим приёмом, как олицетворение. В большинстве случаев нам удалось сохранить или адаптировать олицетворения, но в ряде предложений они либо нейтрализованы, либо частично смягчены.

Показательный пример – текст о фестивале «Корфест», где в оригинале есть следующее предложение: «*маленькая серебристая рыбка... собирает на льду... всех любителей подлёдной рыбалки*». Здесь с помощью олицетворения рыбе придают человеческую способность к организации события и мобилизации участников. В переводе: “*A tiny silver fish... brings people together every year on the frozen Anadyrsky Liman*”. Олицетворение полностью сохранено: глагол “*brings together*” предполагает активность субъекта, наделяя рыбку символической функцией организатора.

Сходная стратегия наблюдается в тексте о Часовне Параскевы Пятницы, где говорится: «*восемигранное кирпичное здание... отмечает лучшую видовую точку города*». Перевод: “*the chapel... marks one of the best viewpoints in the city*”. Здесь действие приписано неодушевлённому объекту – часовне, и это олицетворение сохранено в английском тексте через глагол “*marks*”, что делает объект активным участником пространственного ландшафта, а не просто его частью.

Более выраженное олицетворение в оригинале появляется в тексте о музее Малые Корелы: «*это портал, переносящий в атмосферу былинного Севера, где на каждом шагу ждёт сказка*». В переводе: “*This place feels like a portal to the*

структура олицетворённого пространства, где сама реальность «оживляет» сказку.

В описании оренбургского моста Европа-Азия употребляется конструкция: *«река Урал символически делит город на Европу и Азию»*. Перевод: “*The Ural*” – олицетворение сохраняется в ослабленной форме через глагол “acts”, что позволяет приписать функции субъекту без явного оживления.

И наконец, в описании Арки Цесаревича во Владивостоке присутствует следующее олицетворение: *«она (арка) символизировала морские ворота Владивостока»*. В переводе: “*The arch had long symbolized Vladivostok’s maritime gateway*”. Здесь олицетворение сохраняется напрямую, позволяя архитектурному объекту выполнять коммуникативную функцию.

В ряде случаев фигура передаётся напрямую, в других – адаптируется посредством глаголов действия или символизации, но в любом случае сохраняется прагматическая функция – оживление пространства, усиление эмоционального воздействия и формирование выразительного культурного кода.

В ходе анализа переводов особое внимание уделялось сохранению сравнений – одного из ключевых выразительных средств, придающего тексту образность и эмоциональность.

Показательным является пример из текста о варенье из шишек: *«Пара ложек сиропа, крепкий горячий чай, шишечка на десерт – словно в баньке побывал»*. В переводе это сравнение воспроизведено следующим образом: “*A spoonful of syrup, a hot cup of tea, and a pinecone for dessert feels like stepping into a cozy banya (Russian sauna)*”. Здесь мы не только сохранили образ погружения в атмосферу русской бани, но и усилили доступность восприятия для англоязычного читателя через пояснение (*Russian sauna*). Важно отметить, что сохранена структура сравнения через оборот “*feels like*”, что позволяет сохранить эмоциональную окраску оригинала.

Другой яркий пример сравнения обнаруживается в тексте о дальневосточном гребешке: *«внутренности этого двусторчатого моллюска...*

похожей по форме на женский гребень для волос». В переводе: “*This flat, ridged bivalve has a light-colored shell shaped like a woman’s hair comb.*” Мы точно сохранили сравнительную структуру (*shaped like*), что позволяет передать образность и визуальную наглядность оригинала без потерь.

Сравнительный образ передан также в описании Золотого моста во Владивостоке: «*Опоры моста по своим очертаниям очень похожи на английскую букву V*». В английском варианте: “*the bridge supports form a shape similar to the letter ‘V’*”. Здесь сохраняется идея визуального сходства, структура сравнения адаптирована под английскую лексику (*similar to*), что делает образ понятным без искажения первоначального смысла.

В тексте о рододендроне остроконечном используется сравнительная метафора: «*рододендрон называют приморской сакурой*». Перевод: “*Locals call it ‘Primorye’s Sakura’*”. – прямая передача образного сравнения, без дополнительных интерпретаций. Использование японской «сакуры» позволяет сохранить культурную ассоциацию, даже несмотря на то, что реципиенту из другой культуры может потребоваться дополнительный контекст.

Анализ показывает, что нам удалось сохранить большинство оригинальных сравнений, как в прямой, так и в адаптированной форме. При этом основной акцент сделан на обеспечении понятности и сохранении образной насыщенности текста, что соответствует целям культурной адаптации и передачи экспрессивности оригинала.

При анализе сохранения аллюзий и исторических отсылок в переводах текстов становится очевидным, что в большинстве случаев мы успешно справились с задачей их передачи, стараясь либо сохранить культурные и исторические пласты напрямую, либо компенсировать их через пояснения для англоязычного реципиента.

Показательным примером является текст о магнолии крупноцветковой в Сочи. В оригинале дана аллюзия на песню «*В краю магнолий*», родившуюся в 1980-е годы как символ курортного города. При переводе отсылка была сохранена: “*Their beauty inspired the 1980s song ‘In the Land of Magnolias’*”

dedicated to the resort city”. Таким образом, связь между культурным артефактом и городским мифом осталась доступной и для англоязычного читателя.

В тексте о Николаевских триумфальных воротах исторический контекст создания арки в честь визита наследника престола Николая Александровича в 1891 году полностью передан: *“Its story began in 1891 when news spread that* ”. Сохраняется и информация о сносе арки в советский период, что важно для передачи политической и культурной динамики эпохи.

Аналогичная работа проведена в тексте о музейно-диорамном комплексе «Курская битва», где оригинальный акцент на «Огненной дуге» как крупнейшей диораме Европы сохранён в переводе: *“The heart of the museum is the biggest in Europe diorama – the ‘Ognennaya Duga’ (the Salient of Fire) diorama”*. Мы оставили название на русском языке с пояснением на английском, что позволяет сохранить культурную специфику.

Историческая отсылка также успешно передана в тексте об оренбургском высшем военном авиационном училище. В оригинале подчёркивается обучение таких великих людей как Юрий Гагарин. В переводе: *“This flight school trained some of Russia’s most famous pilots including Yuri Gagarin...”* – не только сохраняется аллюзия на советский космический проект, но она дополнительно усилена узнаваемостью фигуры Гагарина для мировой аудитории.

В описании астраханских арбузов мы видим важный исторический элемент – появление арбузов благодаря Золотой Орде. Он передан через уточнение: *“The Golden Horde (Mongol empire that ruled parts of Russia, Ukraine, and Central Asia in the 13th–15th centuries) brought watermelons to Astrakhan...”*. Таким образом, исторический фон расширен и сделан доступным для иноязычного читателя.

Текст о Мацесте в Сочи сохраняет мифологическую составляющую через пояснение этимологии названия, в том числе через отсылку к природным явлениям (молния, огонь), что соответствует оригинальной культурной версии происхождения топоним: *«Одна из них – абхазская: “место, куда ударила*

молния”. Другая – адыгейская: “огненная вода” – из-за того, что при соприкосновении с ней на коже чувствуется лёгкое жжение и покраснение». Эти культурно-этнические версии не только указывают на природные особенности минеральных источников, но и отсылают к локальной мифологии кавказских народов. В английской версии были сохранены обе интерпретации: *“One Abkhaz (republic in northwestern Georgia) version translates it as ‘the place where lightning struck’. Another Adyghe (another republic in northwestern Georgia) version calls it ‘fiery water’ because the mineral-rich springs cause a slight burning sensation and redness on the skin”*.

Таким образом, аллюзивность и историко-культурный контекст не только сохранены, но и расширены за счёт пояснительных вставок в скобках, направленных на устранение возможных лакун в знаниях целевой аудитории.

Отдельного внимания заслуживает текст о рододендроне остроконечном, где указано, что он стал официальным символом Владивостока по предложению ботаника Сигизмунда Харкевича. В английском переводе эта информация сохранена полностью: *“Thanks to botanist Sigismund Kharkevich, this rare flower became one of Vladivostok’s two official symbols, alongside the Amur tiger, in 1994”*.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев были корректно сохранены как аллюзии, так и исторические отсылки оригинальных текстов. Тем самым мы обеспечили их доступность для иностранного читателя без существенной потери культурной и исторической глубины. При необходимости использовались краткие пояснения в скобках или дополнительные комментарии, что полностью соответствует нормам англоязычной риторики при переводе культурно-насыщенных материалов.

Сопоставительный анализ показал, что при переводе культурологических текстов риторические приёмы были в значительной степени сохранены как в содержательном, так и в функциональном аспекте. Эпитеты, метафоры, гиперболы, олицетворения, сравнения, перечисления, а также исторические отсылки и аллюзии, характерные для русскоязычного дискурса, были адаптированы с учётом норм англоязычной риторики без утраты их

экспрессивной или информационной функции. В большинстве случаев мы добивались риторической эквивалентности либо через прямое сохранение образных элементов, либо через точную семантическую трансформацию и добавление пояснительных конструкций, обеспечивающих доступность контекста для англоязычного реципиента. Это свидетельствует не только о внимательном отношении к стилистической специфике оригинала, но и о глубоких знаниях норм и ожиданий целевой культуры. Таким образом, стратегия перевода оказалась направлена на сохранение риторической насыщенности текстов при одновременной адаптации их формы и структуры к англоязычным коммуникативным стандартам.

Выводы по второй главе

Во второй главе представлена методика подготовки культурологических текстов для международной аудитории. Были выбраны десять российских городов вне крупных мегаполисов, отражающих территориальное и этнокультурное разнообразие, и для каждого города были отобраны информационно-публицистские тексты, включающие сведения о традициях, символике, историко-культурном наследии и достопримечательностях региона. Отбор источников базировался преимущественно на официальных государственных порталах и авторитетных СМИ, что обеспечило надёжность и аутентичность материала. Структура текстов логична и соответствует жанровому профилю культурологического эссе: они обычно включают введение, основную часть (описание объекта) и краткое заключение, подчёркивающее значимость региона.

В параграфе 2.2 подробно проанализирована адаптация русскоязычных текстов при их переводе на английский язык. Показано, что при переводе происходит системное перераспределение материала: безличные и отрицательные конструкции заменяются личными и утвердительными, общий объём текста сокращается примерно на 10–11%, а избыточные географические и культурные детали опускаются или упрощаются. Сложные синтаксические обороты и многочленные перечисления перерабатываются в простые, линейные

предложения. Такие изменения соответствуют нормам англоязычного дискурса и делают текст более доступным для иностранного читателя; при этом основная содержательная часть и коммуникативная цель сохраняются.

В параграфе 2.3 рассмотрены сохранение и адаптация риторических приёмов при переводе. Сравнительный анализ показал, что большинство образных средств оригинала передаются в английском тексте: около 60% риторических приёмов (эпитетов, метафор, гипербол, олицетворений, сравнений, аллюзий и прочих приёмов) сохранены полностью, около 30% – с адаптацией (путём подбора близких по значению эквивалентов или добавления пояснений), и лишь порядка 10% приёмов утрачено. Эпитеты и метафоры передаются аналогами с сохранением эмоциональной окраски, перечисления реорганизуются так, чтобы сохранить функцию акцентирования последнего элемента, а культурные и исторические отсылки при необходимости поясняются дополнительной информацией. Это позволяет говорить о риторической эквивалентности перевода: выразительность исходных текстов сохраняется при адаптации их формы и структуры к англоязычному дискурсу, обеспечивая эффективное восприятие иностранным читателем.

Таким образом, предложенная методология отбора материалов и композиции описаний позволила сформировать насыщенный культурный образ городов России, а осуществлённые при переводе трансформации обеспечили сохранение убедительности и выразительности исходных материалов.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что риторические стратегии и приёмы культурологических текстов могут быть эффективно адаптированы для межкультурного взаимодействия без существенной потери выразительности.

В теоретической части раскрыта сущность риторики как науки об искусстве убеждения: проанализированы ключевые компоненты логоса, этоса, пафоса и кайроса, а также выявлены основные особенности русской и англоязычной риторических традиций. В рамках этого анализа были решены первые две задачи исследования: уточнены теоретические основания риторики и проведено сопоставление двух культурных риторических моделей. Установлено, что англоязычный дискурс характеризуется прямотой и логической структурированностью, тогда как в русской традиции преобладают высокая контекстуальность, эмоциональная окрашенность и богатая образность текста.

Практическая часть продемонстрировала воплощение этих теоретических знаний на практике при подготовке реальных культурологических материалов. Разработанная для культурного центра "Casa Rusa" методика отбора регионов и тематическая классификация текстов обеспечили создание цельного и разностороннего представления о культуре России. При переводе этих текстов на английский язык применены риторические преобразования: введение пояснений, упрощение синтаксиса и разбивка содержания на логичные абзацы обеспечили соответствие англоязычным стандартам построения текста при сохранении выразительности оригинала. Таким образом были решены четвёртая и пятая задачи, касающиеся анализа риторических трансформаций и механизмов сохранения выразительности при адаптации материалов для англоязычной аудитории.

Поставленная цель исследования – определить, обосновать и апробировать риторические стратегии в культурологических текстах – полностью достигнута.

Таким образом, гипотеза исследования, согласно которой использование адаптированных к культурным особенностям риторических стратегий повышает

эффективность межкультурной коммуникации, подтвердилась; ключевые риторические приёмы (эмос, пафос, логос и кайрос) играют решающую роль в убедительности текста, а их адаптация при переводе культурологических текстов позволяет сохранить оригинальную структуру аргументации и повысить качество перевода. Теоретическая значимость работы состоит в расширении представлений о межкультурной риторике и механизмах её функционирования при переводе, что пополняет концептуальную базу переводоведения и текстологии. Практическая значимость заключается в разработке конкретных приёмов и методик перевода, которые могут быть использованы при подготовке адаптированных культурных материалов (в том числе информационных и просветительских проектов) и повышают точность передачи содержания исходных текстов. Предложенные методические подходы создают основу для дальнейших исследований в области межкультурной коммуникации и перевода культурологических текстов.

Список используемой литературы и используемых источников

еркнер С. С., Вошина О. Е. Проблема сохранения индивидуального стиля автора и стиля произведения в художественном переводе (на примере произведений С. Моэма) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. №1. С.71–73.

елоусова К. И., Бергер М. А., Тетерина Е. В. Языковая картина мира // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2013. №9. С. 237–238. обращения: 12.03.2025).

родский И. А. Полный текст стихотворения «Прощай». [Электронный ресурс]: Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/30594/proshai>. 1957 г. (дата обращения: 25.11.2024).

4. Будаев Э. В. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1. С. 6–13.

5. Булахова Н. П., Сковородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. №2. С.122–136.

асильев Л. Г. Речевое воздействие как междисциплинарная и языковедческая проблема. Калуга: Калужск. гос. ун-т, 2019. 99 с.

едерникова Ю. В., Мурдускина О. В. Верхний уровень терминополь тезаурусного моделирования // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4(17). С. 35–38.

ласова Е. С. Проблемы национально-культурной адаптации художественного текста при переводе // Молодой ученый. 2021. № 28 (370). С. 56–59.

ойтенко В. А., Соколов В. А., Лубский Р. А. Коллективизм и индивидуализм

в России как предмет теоретической рефлексии // Философия права. 2019. №3 (90). С. 71–77.

ойченко А. А. Об использовании культурных и исторических аллюзий в рекламе // Вестник МГУКИ. 2011. №4. С. 119–122.

оголь Н. В. Мёртвые души: поэма. М.: СНЕГ. 2022. 480 с.

узеева А. В. Десять главных русских народных сказок [Электронный ресурс]: Узнай Россию. URL: <https://rbth.ru/read/1765-russkie-narodnie-skazki>. (дата обращения: 25.11.2024).

авронова М. Д. Сущность аллюзии и её функции в стилистической конвергенции // Scientific progress. 2022. №3. С. 409–414.

есять фактов об иммунизации [Электронный ресурс]. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news->

остоевский Ф. М. Преступление и наказание (илл. М. Бычкова). СПб: Азбука. 2024. 576 с.

брагимова С. К. Конструкции перечисления как средство экспрессивного синтаксиса в художественной прозе А. В. Амфитеатрова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №86. С. 203–207. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktsii-perechisleniya-kak-sredstvo-ekspressivnogo-sintaksisa-v-hudozhestvennoy-proze-a-v-amfiteatrova> (дата обращения: 12.03.2025).

нтервью Такеру Карлсону [Электронный ресурс]: Официальный сайт Президента России. 2024. URL:

ольцова Е. А. Риторика современных технонаучных статей: лингвистика в помощь "полевой" эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 4. С. 51–59.

опнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного

языка: опыт системного описания: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 576 с.

ороткина И. Б. Классическая риторика как основа современного академического письма // Журнал Философия образования. 2018. С. 106–

речетова А. Н., Митчелл П. Д. Олицетворения животных: трудности перевода // Язык и культура. 2016. №2 (34). С. 38–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/olitsetvoreniya-zhivotnyh-trudnosti-perevoda> (дата обращения: 09.03.2025).

узнецова Н. Н. Классификации сравнений // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2022. № 02 (82). С. 83–92.

У

Вугта О. Н. Метафорология: теоретические аспекты: в 2 ч. Ч. 1. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 114 с.

Вугта О. Н. Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Ч. I. Новосибирск: Новосибирский госуниверситет, 1999. 71 с.

Окк Д. Сочинения в трех томах. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. пер. с англ. А. Н. Савина. М.: Мысль, 1985. 621 с.

Ищук О. Н. Речевоздействующая функция и риторические параметры исследования дискурса // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. №3.

С

Урашкина О. В., Дедова О. М., Корнеев В. А. Метафорические эпитеты и их стилистические функции // Язык и текст. 2022. Т. 9. №2. С. 21–34.

Бстеров А. А., Ведерникова Ю. В. Межкультурная риторика как помощь в переводе // Сборник студенческих работ всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции «Молодежь. Наука. Общество – 2023». Тольятти: Тольяттинский государственный университет. 2023. С. 582–587.

Рловская Т. О. Мосты Санкт-Петербурга и их символическое значение в

русской литературе конца XIX – начала XX века // Тенденции развития науки и образования. 2023. №96. С. 150–154.

30. Палкин А. Д. Индивидуализм и коллективизм как значимые элементы лингвокультуры // Вестник Московской международной академии. 2017. №1. С. 198–204.

екарская И. В., Шпомер Е. А. Элокутивная специфика эпитета: дефиниция и проблема классификации // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. №1 (34). С. 93–97.

оликарпова Е. В. Гипербола в современном немецком языке (лексикологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1990. 16 с.

отебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. Подготовка текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева. Комментарии Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт. 1999. 300 с.

у

ш 35. Рождественский Ю. В. Теория риторики. М.: Флинта, 2015. 44 с.

ивакова О. Б. Развитие метафоры: от античности до когнитивной лингвистики // Молодой ученый. 2024. № 16 (515). С. 141–143.

Анварь литературоведческих терминов. М.: «Просвещение», 1974. 509 с.

улейманова О. А. Особенности англоязычного дискурса // Языковое бытие человека и этноса. 2009. №15. С. 165–171.

Сухарева О. Э. Западная риторическая традиция и проблема убедительности монолога: дис. ... канд. филол. наук. Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 2010. 102 с.

вория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

изагеров Т. Г. Риторика Изд. 3-е. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 379 с.

и

Р

й

А

G

E

удайберганов Ш. Э. К вопросу о классификации метафоры // Молодой ученый. 2022. № 30 (425). с.162–165.

ернец, Л. В. «... Плыло облако, похожее на рояль» (о сравнении) // Русская словесность. 2000. № 2. С. 75–79.

истякова И. Ю. Русская политическая ораторика первой половины XX века: этос ратора: диссертация ... доктора филологических наук. М.: ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2006. 544 с.

ироких А. Ю. Риторика публицистического текста: опыт сопоставительного анализа терминологий // Современная коммуникативистика. 2017. №1. С. 58–64.

b

o 47. Allen M. C. The Rhetorical Situation of the Scientific Paper and the "Appearance" of Objectivity // Young Scholars in Writing. 2015. Vol. 2. PP. 94–102.

ristotle's Rhetoric [Электронный ресурс]: Stanford Encyclopedia of Philosophy

h 49. Atwill J. Rhetoric Reclaimed: Aristotle and the Liberal Arts Tradition. New York: Cornell University Press, 2009. 254 p.

h 50. Badar A. Analyzing Cross-Cultural Writing Differences using Contrastive Rhetoric: A Critical Review // Advances in Language and Literary Studies 2019. PP. 102–106.

u 51. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York: Doubleday-Anchor, 1967. 25 p.

y 52. Boghrati R. Style, Content, and the Success of Ideas // Journal of Consumer Psychology. 2022. PP. 1–39.

53. Connor U., McIntosh K. Intercultural Rhetoric Research in an Internationalizing World. New York: Routledge, 2023, 630 p.

R

L

e

H

K

Y

T

P

A

G

E

54. Connor U. Intercultural rhetoric // The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. PP. 469–483.

r

56. Cui Y. Differences in the Transference of Humor and Personification in Advertisement Translation // Journal of Universal Language. 2017. 11(2). PP. 47–69.

ulture [Электронный ресурс]: Britannica. URL:

Н
П
У
П
П
Е

59. Gross A. The Rhetoric of Science. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 286 p.

60. Guzeva A. V. Ten main Russian fairy tales [Электронный ресурс]. Russia Beyond. URL: <https://www.rbth.com/arts/334386-russian-folk-fairy-tales>. (дата обращения: 25.11.2023).

61. [Электронный ресурс] Beyond Culture. Garden City, N.Y.: Random House, 1976. 256 p.

62. Harris R. Writing with Clarity and Style, A Guide to Rhetorical

Д
р

63. Ivo A. The Bridge on the Drina. New York: Everyman, 2021. 464 p.

64. Kaplan R. B. Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education // Language Learning. 1966. №16 (1-2). PP. 1-20.

65. Kinneavy J. L. Kairos: A Neglected Concept in Classical Rhetoric // In Rhetoric and Praxis: The Contribution of Classical Rhetoric to Practical Reasoning, (Ed. J.D.Moss). Washington, DC: The Catholic University of America Press, 1986. PP. 79–105.

66. Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2002. 375 p.

и
Б
т
й
а
С

Р
А
Г
Е

67. Kubota R. Toward critical contrastive rhetoric // Journal of Second Language Writing. 2004. Vol.13(1). PP. 7-27.

68. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 308 p.

69. Laos N. Kairological Economics: An Anthropocentric and Creative Theory of Political Economy and Management. New York: Algora Publishing, 2012. 206 p.

70. Limbu M., McCool M., Zeng X. Writing Across Cultures: Understanding and Teaching Writer Responsibility and Reader Responsibility // Writing Journal of Global Literacies, Technologies, and Emerging Pedagogies. 2013. Vol. 1. PP. 56–70.

71. McCarthy M. M. A Pragmatic Analysis of Requests in Irish English and Russian // TEANGA: The Journal of the Irish Association for Applied Linguistics. 2019. Vol. 25. PP. 121–137.

72. Machacek G. Allusion // PMLA. 2007. Vol.122. PP. 522–536.

73. MacKenzie I. Rethinking Reader and Writer Responsibility in Academic English // Applied linguistics review. 2015. Vol. 6. PP. 1–21.

a

r 75. McKee H. A., Porter J. E. Professional Communication and Network Interaction: A Rhetorical and Ethical Approach. New York; London: Taylor & Francis, 2017. 234 p.

n 76. Miller C. R. Genre as Social Action // Quarterly Journal of Speech. 1984. Vol. 70, No. 2. PP. 151–167.

L 77. Miller C. R. Kairos and the Rhetoric of Science // In A Rhetoric of Doing: Essays on Written Discourse in Honor of James L. Kinneavy (Eds. S.P. Witte, N. Nakadate, R.D. Cherry). Carbondale: Southern Illinois University Press, 1992. PP. 310–327.

. 78. Moore A. Hampshire: The Oldest Shire in England [Электронный ресурс]: Hampshire-history.com. URL: [https://www.hampshire-](https://www.hampshire-history.com/)

"

I

P

A

G

E

H

[history.com/hampshire-the-oldest-shire-in-england/](https://www.history.com/hampshire-the-oldest-shire-in-england/) (дата обращения: 25.12.2024).

79. Nesterov A. A., Vedernikova Yu. V. Rhetorics of English Cultural Texts // Proceedings of the Conference "Studencheskie dni nauki v TGU – 2024". Togliatti: Togliatti State University. 2024. P. 404–411.

80. Papantoniou K. Deception detection in text and its relation to the cultural dimension of individualism/collectivism // Natural Language Engineering journal. 2021. Vol. 28(5). PP. 1–62.

81. Rickert T. Ambient Rhetoric: The Attunements of Rhetorical Being. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2013. 360 p.

82. Salinger J. D. The Catcher in the Rye. New York: Little, Brown And Company, 2019. 304 p.

83. Scollon R. Contrastive rhetoric, contrastive poetics, or perhaps something else? // TESOL Quarterly. 1997. № 31. PP. 352–363.

Shakespeare W. Romeo and Juliet [Электронный ресурс]: Folger Shakespeare

85. Smith J. E. Time, Times, and the 'Right Time'; "Chronos" and "Kairos" // Philosophy of History. 1969. Vol. 53, No. 1. PP. 1–13.

86. Southampton: 0 to 9th century AD [Электронный ресурс]: Nightbringer.se. URL: <https://nightbringer.se/the-legend-of-king-arthur/arthurian-locations/s-arthurian-locations/southampton/> (дата обращения: 25.04.2024).

87. Tamimy M. Collectivism and individualism in US culture: an analysis of attitudes to group work // Training, Language and Culture. 2022. №2. PP. 20–30.

88. Thatcher B. Intercultural Rhetoric and Professional Communication: Technological Advances and Organizational Behavior: Technological Advances and Organizational Behavior. Hershey, PA: IGI Global, 2012. 378 p.

89. The New Forest National Park [Электронный ресурс]: Visitwiltshire.co.uk. URL: <https://www.visitwiltshire.co.uk/explore/new-forest-national-park> (дата обращения: 25.12.2024).

Приложение А

Найденные риторические приёмы

Таблица А.1 – Найденные риторические приёмы

Приём	Пример использования
Эпитет	«...в этом величественном создании (28)» - утрачено; «гребешок... вкусная 'гордость' Владивостока (31)» - адаптирован; нежно-розовые облака (32)» - сохранен; «высокие рубленые избы и торжественно-изящные храмы (5)» - сохранены; «Магистраль - живительная волшебная водолечебница. (10)» - адаптирован; «Тончайший пух местных коз – основа нежных и мягких изделий. (25)» - сохранен; «Астраханский кремль – одно из первых мощных крепостных сооружений Московского государства. (39)» - утрачено; «Астраханцы чтут традиции рыболовства и регулярно проводят фестивали, посвященные рыбному богатству...(40)» - адаптирован; «Это портал, переносящий в атмосферу былинного Севера, где на каждом шагу ждёт сказка (5)» - адаптирован;
Гипербола	«С этого места начинается самый протяженный в мире ленточный бор (2)» - сохранён; «...рядом протекает самая полноводная в стране река Обь. (2)» - адаптирован; «...с более чем вековой историей (6)» - сохранён; «Национальный парк 'Русская Арктика' – самая северная и первая по величине особо охраняемая природная территория России (7)» - сохранён; «... одни из самых узнаваемых цветов в Сочи(9)» - сохранён ; «... один из самых сложных по гидрометеорологическим характеристикам портов Дальнего Востока (14)» - сохранён; «... самая крупная в Европе диорама 'Огненная дуга' (18)» - сохранён; «... одна из самых маленьких и самых старых особо охраняемых природных территорий России (19)» - сохранён; «... в самый необычный новогодний праздник (20)» - адаптирован ; «Ажурные паутинки можно даже протянуть через обручальное кольцо и спрятать в скорлупку яйца (25)» - сохранен; «...ведь нет на планете другого столь могучего и глубокого озера-моря (1637 м), наполненного кристально чистой водой (27)» - сохранён; «Гребешок – самое вкусное, что может только отыскаться в море (31)» - сохранён; «Общая площадь полей астраханских лотосов в дельте Волги и взморья Каспия превышает сотни гектаров (41)» - сохранён;
Исторический контекст	«Архангельский водорослевый комбинат – предприятие с более чем вековой историей, было основано еще в царской России во время Первой мировой войны (6)» - сохранён; «Свою историю порт ведёт с 28 мая 1955 года, именно в этот день был подписан приказ Министра морского флота СССР за № 237 создать в посёлке Анадырь портопункт, приписанный к порту Провидения (14) - сохранён» ; «Образован он в 1999 году на базе существовавшего с 1924 года заповедника «Лес на Ворскле» (19)» - сохранён; «Центром игрушечного промысла на Белгородчине был Старый Оскол (21)» - сохранён; «...на котором в 1961 году летал курсант Юрий Гагарин (22)» - сохранён;

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

	Ко второй половине XX века мы практически лишились степей из-за хозяйственного освоения (23)» - сохранён; «...именно здесь, на берегу Ангары, в январе 1891 года, когда стало известно о предстоящем посещении города наследником престола цесаревичем Николаем Александровичем Романовым. (33)» - сохранён; «В советский период Триумфальная арка претерпела ряд изменений (33)» - адаптирован; «...созданная в 1925 году по инициативе местных жителей для сохранения живописного уголка от варварской рубки леса и добычи природного камня (34)» - сохранён; «Ранее там находилось языческое капище татар-качинцев. Затем казаки установили сторожевую вышку и предупреждали жителей о вражеских набегах (35)»; - сохранён «Арбузы в Россию попали через Астрахань, куда их впервые завезли золотоордынцы (38)» - сохранён; «Это яркий пример военного и гражданского зодчества средневековой России (39)» - сохранён.
М ет аф ор а	Плавильная печь – один из символов промышленного производства XVIII века как отражение исторического прошлого, олицетворение образования города Барнаула как горного города (3)» - сохранён; «Демидовскую площадь называют народного искусства, предлагающий совершить увлекательное путешествие во времени и пространстве (5)»; «...это портал, переносящий в атмосферу былинного Севера, где на каждом шагу ждёт сказка. (5)»; «Новая Земля и Земля Франца-Иосифа, которые по праву можно назвать 'краем земли' (7)"; «Поморский голубь или 'Птица счастья' – резная деревянная игрушка, которая полюбилась жителям Советского Союза. (8)»...знаменитых на всю страну 'Птиц счастья' (8)»; «Магнолии давно считаются негласным символом курорта. (9)»; «курорт...снискали ему славу всероссийской здравницы (10)»; «Изначально эскимосский мяч считался символом солнца у коренных народов Чукотки» (13)»; «Бросание мяча друг другу символизировало посыл тепла и добра (13)»; «Привезти из Анадыря эскимосский мяч – это привезти в подарок немного традиций и приобщиться к древним обычаям эскимосов и чукчей (13)»; «Дрейфующие поля тяжёлого тористого льда (14)»; «...главный военный музей Белгорода и его достопримечательность, центр притяжения для знатоков и любителей военной истории (18)»; «'Пешеходный мост Европа-Азия' в Оренбурге является одним из символов этого города (24)»; «...настоящее украшение живописной набережной (24)»; «Истинной гордостью оренбургской области считаются пуховые платки (25)»; «...ажурные паутинки...(25)»; «..поистине настоящие произведения искусства (25)»; «Не зря пуховые платки называют 'вязаным золотом' (25)»; «Иркутск – настоящие ворота на

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

	Байкал (27)»; «Байкал называют 'бриллиантом природы' (27)»; «Один из символов города – бабр (28)»; «Визитной карточкой Иркутска считается так называемая Площадь трёх церквей (29)»;
--	---

	«...важная транспортная артерия, соединяющая мыс Чуркин с центром города (30)»; «...главный символ и визитная карточка города (30)»; «...'гордость' Владивостока (31)»; «Вторая жизнь арки началась в 1998 году (33)»; «...принявшие облик исполинских великанов с угадываемыми очертаниями людей, животных и мифологических существ (34)»; «'Красноярские Столбы'» по праву являются визитной карточкой, брендом Красноярского края и города Красноярска (34)»; «Этот памятник архитектуры и истории стал символом Красноярска (35)»; «...отмечающим лучшую видовую точку города и важным элементом его панорамы. (35)»; «варенье из шишек...эксклюзивный привет из Сибири...концентрированный вкус тайги (36)»; «...главной героиней колоритного события, конечно же, становится уха (37)»; «Эти сочные и освежающие фрукты были незаменимыми спутниками воинов-кочевников, которые брали их с собой в походы(38)»; «Они являются не только символом этого региона, но и одним из главных достояний российского бахчеводства(38)»; «'Астраханский кремль' – жемчужина архитектуры Нижнего Поволжья (39)»; «...место притяжения, культурного досуга как для всех астраханцев, так и туристов региона (39)»; «Памятник осетру в Астрахани не только необычная скульптура, но и украшение города(40)»; «Эта рыба была подлинным украшением праздничных обедов знати и пиров самих российских правителей (40); «Жемчужина Астраханской дельты – лотос или как его еще называют 'каспийская роза'»(41)»; «Поэтому астраханский лотос по праву считается одним из главных символов края (41)»; «Лотос давно стал визитной карточкой региона. (41)»;
Олицетворение	«Это блюдо демонстрирует уважение к гостям (1)»; «Лестница и Нагорный парк стали культурным объектом, частью городской панорамы, которая встречает всех въезжающих в город (2)»; «Именно эти источники дали рождение городу Сочи как курорту «...шорох камушков внутри, как бы отгонял все негативное и злое (13)»; «маленькая рыбка...собирает на льду Анадырского лимана всех любителей подледной рыбалки, а также жителей и гостей города Анадыря на ярком фестивале - «Корфест»! (17)»; «...на земле царит особая атмосфера волшебства (20)»; «Река Урал символически делит город на Европу и Азию (24)»; «...праздник собирает на берегах реки Енисей (37)»; «Астрахань, расположенная на берегу Волги, славится своими арбузами (38)»; «Астраханские арбузы, местных сортов, выращенных в низовьях Волги, поражают своим разнообразием (38)»; «Волга и Каспий всегда щедро одаривали людей своими богатствами (40)»;

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

	«...на каждом шагу ждёт сказка (5)»; «...главной героиней колоритного события, конечно же, становится уха (37)»
--	---

Перечисление	«И вместе с набережной, высотной застройкой прибрежной территории речного вокзала, знаменитыми белыми буквами Нагорный парк теперь составляет ансамбль...(2)»; «Ансамбль площади включает в себя здание Горного госпиталя, горного училища, богадельни для инвалидов сереброплавильного завода с церковью Дмитрия Ростовского (4)»; «...высокие рубленые избы, торжественно-изящные храмы, колоритные северные виды, знаменитые лестницы переходов, горячий иван-чай под мелодичный звон колоколов, лиричная песня над двинским простором или цветастый хоровод широкого праздника (5)»; «На территории парка обитают гренландский кит, нарвал, белуха, атлантический морж и белый медведь. (7)»; «...предметы этнографии, традиционного быта, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства (15)»; «...соревнования в ловле корюшки, выступления местных творческих коллективов, состязания по перетягиванию каната, поднятию гирь, мини-футболу (17)»; «...черемуха, бородавчатый бересклет, тимьян, шалфей, ковыль, осока, проломник Козо-Полянского...(19)»; «слепыши, суслики, сурки, полевые мыши, белки, лисицы, волки, европейские косули и другие животные «...попробовать вареники с разнообразной начинкой, повеселиться у елки с новогодними персонажами, принять участие в квесте и конкурсе щедровок (20)»; «...фигурки воинов, всадники в модных шляпах-двууголках и игрушки по мотивам фабричных кукол (21)»; «...252 Героя Советского Союза, 10 дважды Героя Советского Союза и 4 космонавта (22)»; «...биологического разнообразия, мест обитания биоты, эталонных и редких ландшафтов, уникальных природных объектов (23)»; «...гидроэлектростанции ангарского каскада мощностью 9 ГВт, тепловые электростанции мощностью 3,9 ГВт, а также угольные разрезы и теплосети области (26)»; «...экологические акции, добровольцы для наведения чистоты на берегах озера, экологические игры, викторины и конкурсы (27)»; «...три храма – Спасская церковь, собор Богоявления и римско-католический костёл Успения Девы Марии (29)»; «...с видовой площадки Орлиное гнездо, видовой площадки около Приморской сцены Мариинского театра, с видовой площадки Морского вокзала (30)»; «'пятак' (толстый кругляк, нежная большая белая мышца) и 'мантию' (разного рода оборочки и белковые кружева по периметру раковинки) (31)»; «...людей, животных и мифологических существ (34)»; «...определяют лучшую народную уху, лучшую профессиональную уху, лучшее холодное блюдо из рыбы (37)»; «...для гостей праздника проходят конкурсы на самый богатый улов, мастер-классы ремесленников, кукольные

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

	спектакли, игровые программы, показы мультфильмов и фильмов (37)»; «Кроме традиционных красных арбузов, здесь можно найти желтые, оранжевые, белые и даже зеленые сорта (38)»; «Комплекс включает 7 башен (было 8, одна не сохранилась до наших дней), Пречистенские и Никольские ворота, а также соборы, монастыри, часовни, храмы, казармы, складские помещения и многое другое
Сравнение	«...так же, как и в Казахстане и Киргизии (1)»; «По своей красоте он не уступает другим красивейшим мостам страны (24)»; «Опоры моста по своим очертаниям очень похожи на английскую букву 'V' (30)»; «...похожие по форме на женский гребень для волос (31)»; «Пара ложек сиропа, крепкий горячий чай, шишечка на десерт – словно в баньке побывал (36)»

Приложение Б

Исходные и новые тексты

Таблица Б.1 – Исходные и новые тексты

Исходный текст (основа)	Новый текст на английском языке
Анадырь	
Эскимосский мяч Изначально эскимосский мяч считался символом солнца у коренных народов Чукотки и имел сакральное значение. Им начинали играть с началом промыслового сезона, и он символизировал начало нового года, наступление нового времени. Бросание мяча друг друга символизировало посыл тепла и добра, а шорох камушков внутри, как бы отгонял все негативное и злое. Привезти из Анадыря эскимосский мяч – это привезти в подарок немного традиций и приобщиться к древним обычаям эскимосов и чукчей.	Eskimo Ball The native people of Chukotka (a remote, Arctic region in Russia) saw the Eskimo ball as a symbol of the sun and gave it deep spiritual meaning. They began playing with it at the start of the hunting season to mark the arrival of the new year. Passing the ball from one person to another symbolized the sharing of warmth and kindness, while the rustling of small stones inside helped drive away negativity and evil. When you bring an Eskimo ball back from Anadyr, you carry a piece of tradition and a connection to the ancient customs of the Eskimos and Chukchi.
Морской порт Анадырь Морской порт Анадырь, является крупнейшим морским портом на Чукотке. Его производственные мощности позволяют перерабатывать до 1 миллиона тонн различных грузов. Свою историю порт ведёт с 28 мая 1955 года, именно в этот день был подписан приказ Министра морского флота СССР за № 237 создать в посёлке Анадырь портопункт, приписанный к порту Провидения. Порт Анадырь является один из самых сложных по гидрометеорологическим характеристикам портов Дальнего Востока. В период навигации здесь часты сильные юго-восточные ветры, а также приливные течения, Дрейфующие поля тяжёлого тористого льда появляются в акватории порта в конце октября — начале ноября и представляют большую опасность для судов, стоящих на рейде и у причалов.	The Anadyr port Anadyr Seaport, the largest maritime port in Chukotka, handles up to 1 million tons of cargo annually. The port history begins on May 28, 1955, with the Order No. 237 of the USSR Merchant Fleet. The port experiences extreme weather conditions with strong southeastern winds and powerful tidal currents during the navigation season. Drifting fields of heavy pack ice appear by late October or early November posing a serious threat to vessels. These extreme conditions make it one of the most challenging ports in the Russian Far East.

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

Музейный центр «Наследие Чукотки» Уникальное природное, историческое и культурное своеобразие Чукотского региона представлено богатейшими коллекциями Музейного центра «Наследие Чукотки», отражающими все важнейшие этапы исторического развития края. В музейное собрание входят предметы этнографии, традиционного быта, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства, среди которых - уникальные экспонаты XIX в., ритуально-обрядовые предметы, детали шаманской и погребальной одежды, старинное вооружение, а также памятники древнеэскимосской истории и культуры.	M use um Ce nte r "C hu kot ka He rit ag e" The He rita ge of Ch uk otk a Mu seu m Ce nte r sho ws the uni qu e nat ure , his tor y, an d cul tur
--	--

	e of the reg ion . Its col lec tio ns refl ect im por tan t mo me nts in Ch uk otk a's pas t. Th e mu seu m has eth no gra phi c ite ms, tra diti on al ho use hol d obj ect s, an
--	---

	d wo rks of art. So me ex hib its are fro m the 19t h cen tur y. Th ere are ritu al obj ect s, sha ma n an d bur ial clo thi ng, old we ap ons , an d anc ien t Es ki mo art
--	--

	efacts.
Анадырский лиман Анадырский лиман — часть Анадырского залива Берингова моря, отделенная косами Русская Кошка и Земля Гека. На правом берегу находится главный город и порт Чукотки Анадырь, на левом — поселок Угольные Копи. В вершине лимана есть небольшой скалистый остров Алюмка. Здесь гнездятся колонии серебристых чаек и ипатки. Выступающие участки суши кос Анадырского лимана населяют моржи и линники редких пород гусей.	Anadysky Liman Anadysky Liman (Estuary), part of Anadyr Bay in the Bering Sea, borders the Russkaya Koshka and Gek Land sandsp

	its, which separate it from the open waters. An ad yr, the main city and port of Chukotka, lies on its right bank, while the settlement of Ugolnye Kopi is
--	--

	on the left . At the top of the est uar y, a sm all roc ky isla nd cal led Al yu mk a is ho me to col oni es of sil ver gul ls an d mu rre s. Th e sur rou ndi ng lan d pro vid es ha
--	--

	bit at for wa lru ses an d rar e spe cie s of gee se. Li ma n pla ys a ke y rol e in sup por tin g wil dlif e, loc al co m mu niti es, an d ma riti me act ivit ies as on e
--	--

	of the most important natural and economic areas in Chukotka.
Корфест» - корюшкин фестиваль Маленькая серебристая рыбка с ярким запахом огурцов ежегодно собирает на льду Анадырского лимана всех любителей подледной рыбалки, а также жителей и гостей города Анадыря на ярком фестивале - «Корфест»! Азартные рыбаки сорвенуются в ловле корюшки, а	Korfest: fishing and catching European smelt A tiny

	sil ver fis h (w hic h sur pri sin gly sm ells lik e cuc um ber s) bri ngs pe opl e tog eth er eve ry yea r on the fro zen An ad yrs ky Li ma n. Ice fis hin g ent hus iast s, loc als
--	---

	an d vis itor s gat her for the vib ran t Ko rFe st fes tiv al!
--	--

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

в перерывах между состязаниями для гостей выступают местные творческие коллективы. Каждый желающий может поучаствовать в состязании по перетягиванию каната, потягать гири и сыграть в мини-футбол. Есть и соревнования по национальному виду спорта –перетягиванию палки «Тэйкэв»!	Passionate fishermen compete to catch the most smelt while local performers entertain the crowd. Guests can test their strength in a tug-of-war contest, lift kettlebells or play mini-football on the ice. There’s even a competition in a traditional Chukchi sport - the stick-pulling game "Teikev"!
Белогород	
Старооскольская глиняная игрушка-свистулька	Starooskol clay whistle toy
Центром игрушечного промысла на Белгородчине был Старый Оскол. Здесь традиционно делали игрушки-свистульки в виде людей, животных и птиц из белой глины. После высыхания их расписывали разведенной с водой красной глиной. Каждая эпоха приносила мастерам новые идеи: со временем появились фигурки воинов, всадники в модных шляпах-двууголках и игрушки по мотивам фабричных кукол.	The heart of toy-making in the Belgorod region was the town of Stary Oskol. Here, craftsmen traditionally made clay whistles shaped like people, animals, and birds from white clay. Artisans painted them with diluted red clay after drying. Each era brought new ideas to the artisans. They created warrior figurines, horsemen in stylish bicorne hats and toys inspired by factory-made dolls over time.
Фестиваль вареников	Vareniki festival
14 января является необычной датой для белгородцев. В этот день они готовили традиционное русское блюдо –	January 14 is a special date for the people of Belgorod. They not only prepare the traditional Russian dish vareniki (potato

ВАРЕНИКИ, но и с помощью них узнавали свою судьбу, ведь в ночь с 13 на 14 января на земле царит особая атмосфера волшебства, которая наилучшим образом подходит для совершения гаданий. В самый необычный новогодний праздник в Белгороде проходит «Фестиваль вареников», где вы сможете попробовать вареники с разнообразной начинкой и узнать, что вас ждет в следующем году; повеселиться у елки с новогодними персонажами; принять участие в квесте и конкурсе щедровок.	dumplings) but also use them to predict their future on this day. The night from January 13 to 14 is filled with magic, making it the perfect time for fortune-telling. Belgorod hosts the Vareniki Festival during this unique New Year celebration. There, you can taste vareniki with various fillings and find out what the new year has in store. Guests can also have fun by the Christmas tree with holiday characters, take part in a quest and join a traditional Shedrovki (carol-singing) contest.
Заповедник «Белогорье» Заповедник «Белогорье» - одна из самых маленьких и самых старых особо	Belogorye Nature Reserve The Belogorye Nature Reserve stands out as one of Russia's smallest and oldest

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

охраняемых природных территорий России. Образован он в 1999 году на базе существовавшего с 1924 года заповедника «Лес на Ворскле». Цель создания заповедника - сохранение и изучение типичных и уникальных экосистем мелового юга Среднерусской возвышенности На участках резерватов произрастают черемуха, бородавчатый бересклет, тимьян, шалфей, ковыль, осока, проломник Козо-Полянского, а фауна представлена слепышами, сусликами, сурками, полевыми мышами, белками, лисицами, волками, европейскими косулями и другими животными.	protected areas. It officially opened in 1999, but its history began in 1924 with the creation of the "Forest on the Vorskla" reserve. The reserve protects and studies the unique chalkland ecosystems of the southern Central Russian Upland. Various plants grow here including bird cherry trees, warty spindle trees, thyme, sage, feather grass, sedge and the rare Kozo-Polyansky breakstone. The diverse wildlife includes mole rats, ground squirrels, marmots, field mice, squirrels, foxes, wolves and European roe deer.
Историко-художественный музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление» Белгородский государственный историко-художественный музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление» – главный военный музей Белгорода и его достопримечательность, центр притяжения для знатоков и любителей военной истории. Ежегодно	Museum-Diorama Kursk Battle. Belgorod Direction The Belgorod State Museum-Diorama “The Battle of Kursk: Belgorod Direction” is the main military museum of Belgorod and one of its key landmarks. It attracts both history experts and war history enthusiasts. Around 160,000 visitors explore its exhibits every year.

музей посещают около 160 тысяч человек. Сердце музея и его главный экспонат – самая крупная в Европе диорама «Огненная дуга» – гигантское художественное полотно, иллюстрирующее решающую схватку на Курской дуге в июле 1943 г.	The heart of the museum is the biggest in Europe diorama – the “Ognennaya Duga” (the Salient of Fire) diorama. This massive artwork vividly depicts the decisive battle of the Kursk Salient in July 1943.
Оренбург	
Оренбургское высшее военное авиационное Краснознаменное училище лётчиков имени И. С. Полбина Летное училище, где проходили обучение известные летчики страны: Ю. Гагарин, В. Лебедев, Ю. Лончаков и другие. Долгое время перед зданием стоял самый большой экспонат музея —	Orenburg Higher Military Aviation School for Pilots This flight school trained some of Russia’s most famous pilots including Yuri Gagarin, Vladimir Lebedev, Yuri Lonchakov and many others. A MiG-15 jet stood in front of the building for years as the school's most iconic exhibit. Yuri Gagarin flew this aircraft as a cadet in 1961. The school has

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

самолет МиГ-15, на котором в 1961 году летал курсант Юрий Гагарин. За свою историю оно подготовило 28 тысяч летчиков и штурманов. Из них было 252 Героя Советского Союза, 10 дважды Героя Советского Союза и 4 космонавта. Летчики училища первыми за всю историю осваивали небо над Арктикой и Антарктикой.	trained 28,000 pilots and navigators over its history. There were 252 Heroes of the Soviet Union, 10 double Heroes of the Soviet Union and 4 cosmonauts among them. Its pilots were the first to fly over the Arctic and Antarctic.
День степи Оренбургской области «День степи» – региональный экологический праздник, уже ставший привычным и любимым для жителей Оренбуржья. Праздник отмечается в последнюю субботу мая и напоминает о важности сохранения и восстановления природы степных регионов – биологического разнообразия, мест обитания биоты, эталонных и редких ландшафтов, уникальных природных объектов. Ко второй половине XX века мы практически лишились степей из-за хозяйственного освоения, ввиду чего возникла острая необходимость развития системы особо охраняемых природных территорий и разработки	Steppe Day Steppe Day is a regional environmental holiday that has become a beloved tradition for the people of Orenburg. Steppe Day takes place on the last Saturday of May. The holiday reminds everyone to protect and restore the steppe, its wildlife, rare landscapes, and unique natural sites. Large parts of the steppe had disappeared due to human activity by the mid-20th century. This loss created an urgent need to develop protected areas and find new ways to safeguard steppe landscapes for future generations.

других механизмов сохранения степных ландшафтов.	
Пешеходный мост «Европа-Азия» Пешеходный мост Европа-Азия в Оренбурге является одним из символов этого города — это настоящее украшение живописной набережной. По своей красоте он не уступает другим красивейшим мостам страны. Мост уникальный, так как соединяет два берега реки, находящихся в разных частях света. Река Урал символически делит город на Европу и Азию. В центре моста установлены два пограничных столба с гербом Оренбурга. На одном надпись «Европа», на другом — «Азия».	Pedestrian bridge between Europe and Asia The Europe-Asia Pedestrian Bridge in Orenburg is one of the city's symbols and a true gem of its scenic riverfront. Its beauty rivals that of the most stunning bridges in Russia. What makes this bridge unique is its location. It connects two riverbanks in different parts of the world. The Ural River acts as a natural border dividing Orenburg between Europe and Asia. Two border pillars stand tall right in the center of the bridge. Each bears the Orenburg coat of

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

	arms – one marked “Europe”, the other “Asia”.
Оренбургский пуховый платок Истиной гордостью оренбургской области считаются пуховые платки. Тончайший пух местных коз – основа нежных и мягких изделий. При этом его прочности могут позавидовать даже платья из льна. Ажурные паутинки можно даже протянуть через обручальное кольцо и спрятать в скорлупку яйца. Высокое качество пуховых платков является прямой заслугой профессиональных вязальщиц, которые изготавливают поистине настоящие произведения искусства. Не зря пуховые платки называют «вязанным золотом». Они награждались не раз медалями и наградами на международных выставках.	Orenburg shawl The Orenburg shawl is a true symbol of pride for the region. These delicate and soft pieces come from the finest down of local goats. Despite their lightness, they are surprisingly strong rivaling even linen fabrics in durability. The most intricate lace shawls are so thin they can pass through a wedding ring or even fit inside an eggshell. Their exceptional quality results from the skill and dedication of master knitters who turn each shawl into a work of art. People call them "knitted gold" for a reason – these shawls have earned numerous medals and awards at international exhibitions.
Иркутск	
«Иркутскэнерго» «Иркутскэнерго» — крупнейшая в России энергетическая компания:	Power company "Irkutskenergo" Irkutskenergo is Russia's largest power company. It operates three hydroelectric

объединяет 3 гидроэлектростанции ангарского каскада мощностью 9 ГВт, тепловые электростанции мощностью 3,9 ГВт, а также угольные разрезы и теплосети области. Каскад трех гидроэлектростанций построен на единственной вытекающей из озера Байкал реке Ангара.	power plants on the Angara River, generating 9 GW of power along with thermal power plants producing 3.9 GW. The company also manages coal mines and heating networks across the region. The Angara Cascade stands on the only river flowing out of Lake Baikal.
«День Байкала» В Иркутске самым символичным праздником является «День Байкала». Не только потому что Иркутск – настоящие ворота на Байкал и ближайший к озеру крупный город, но и потому что Байкал называют «бриллиантом природы» - за красоту, исполненную мощи и щедро	The Day of Baikal Baikal Day is one of the most meaningful holidays in the region. Irkutsk serves as the gateway to Lake Baikal, the "jewel of nature." Its beauty stretches between cliffs and taiga, but its uniqueness lies in its global significance.

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

разлитую в пространстве, среди скал и тайги. Но уникальным Байкал делает не столько дивный облик, сколько важный глобальный смысл, ведь нет на планете другого столь могучего и глубокого озера-моря (1637 м), наполненного кристально чистой водой. В чаше Байкала сосредоточена пятая часть всех пресных вод планеты, 23 тысячи кубических километров. Каждый год озеро продуцирует 60 кубических километров чистой, биологически активной воды. Через Ангору и Енисей эта вода попадает в Мировой океан. В этот день природоохранные организации привлекают внимание общественности к экологическим проблемам водоёма. Они организуют экологические акции, собирают добровольцев для наведения чистоты на берегах озера, проводят экологические игры, викторины и конкурсы. Их цель – формирование бережного отношения к байкальской природе, природопользованию.	Baikal is the mightiest and deepest lake in the world (1,637 m) and holds one-fifth of the planet's freshwater (23,000 cubic kilometers). It produces 60 cubic kilometers of pure, biologically active water each year, which flows into the world's oceans. Environmental groups use this day to highlight Baikal's conservation, organize clean-up events, and host eco-games, quizzes and contests to encourage people to care for the lake's nature.
Иркутский бабр	Irkutsk's Babr

Один из символов города — бабр. Многие считают, что «бабр» это какое-то мифическое существо, но увы, ничего мифического в этом величественном создании нет, так как бабрами на якутском языке называли уссурийского либо амурского тигра. Тем не менее, бабр в Иркутске во всей красе представлен на гербе, а в центре города ему даже установили памятник.	Babr is one of the city's most famous symbols. Although it may look like a mythical creature, the name has real roots. "Babr" was the name for the Siberian tiger in the Yakut language (language spoken by the Yakuts, a Turkic ethnic group native to North Siberia). The babr still has taken on a life of its own in Irkutsk. It proudly stands on the city's coat of arms, and in the heart of Irkutsk, a monument celebrates this majestic beast.
Площадь трех церквей Визитной карточкой Иркутска считается так называемая Площадь трёх церквей. Место примечательно тем, что именно здесь, на берегу Ангары, в 1661	Square of Three Churches The Square of Three Churches is one of Irkutsk's main landmarks. This historic spot on the banks of the Angara River marks where the city began in 1661. A monument

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

году заложили город. Об этом свидетельствует памятник основателям Иркутска. Здесь же находится мост Любви. Но главными достопримечательностями считаются три храма — Спасская церковь, собор Богоявления и римско-католический костёл Успения Девы Марии.	to Irkutsk's founders stands here as a reminder of its origins. The square is also home to the Bridge of Love, but its main treasures are three remarkable churches: Spasskaya Church, the Epiphany Cathedral, and the Roman Catholic Church of the Assumption of the Virgin Mary.
Владивосток	
Николаевские триумфальные ворота или Арка Цесаревича Николаевские триумфальные ворота, за которыми среди горожан закрепилось название Арка Цесаревича, находятся в центре города, рядом с Корабельной набережной. История этого памятника начинается в январе 1891 года, когда стало известно о предстоящем посещении города наследником престола цесаревичем Николаем Александровичем Романовым. Владивостокская Городская Дума, рассматривая вопросы подготовки к встрече высокого гостя, приняла решение о сооружении в его честь	Nikolay's Triumphal Arch The Nikolay Triumphal Gate, known among locals as the Arch of Prince Nicholas, stands in downtown Vladivostok near the Ship Embankment. Its story began in 1891 when news spread that Tsarevich Nikolay Romanov would visit the city. The City Duma (a city-level legislature in Russia) decided to build a stone triumphal arch in the Russian style (style typical of the late 19th - early 20th centuries) to honor him. The arch had long symbolized Vladivostok's maritime gateway, but

«каменных триумфальных ворот». Триумфальная арка была сооружена в «русском стиле», характерном для подобного рода построек конца XIX — начала XX вв. С самого начала она символизировала морские ворота Владивостока, через которые будущий император должен был торжественно въехать в город. В советский период арку демонтировали. Вторая жизнь арки началась в 1998 году, когда известный владивостокский предприниматель Александр Ермолаев решил воссоздать ее на собственные средства. Так как чертежи не сохранились, облик памятника восстанавливали по старым фотографиям, историко-архивным и литературным источникам.	authorities demolished it during the Soviet era. An entrepreneur Alexander Yermolaev funded its reconstruction in 1998 using old photos and historical records. The restored arch was unveiled on May 16, 2003.
---	--

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

Рододендрон остроконечный	Rhododendron mucronulatum
Весной в Приморье, в городах, лесах и на сопках, появляются нежно-розовые облака. Это расцветает рододендрон. Его нежные цветки олицетворяют одновременно и хрупкость, и силу природы. Народное название рододендрона — багульник, а ещё его называют приморской сакурой. Всего на Дальнем Востоке России встречается более 10 видов рододендронов, в Приморском крае — 8 видов, а в пригороде Владивостока — один вид, который нуждается в охране. Это рододендрон остроконечный. С 1994 года, благодаря предложению выдающегося ботаника России Сигизмунда Харкевича, рододендрон остроконечный стал одним из двух символов Владивостока наравне с амурским тигром. Кстати, Владивосток — единственный город в России, имеющий законодательно утверждённую природную символику. И	Soft pink clouds appear across Primorye's (a federal subject of Russia in the Far East) cities, forests, and hills in spring. This is the rhododendron in bloom. Its delicate flowers symbolize both the fragility and strength of nature. Locals call it "Primorye's Sakura." The Russian Far East is home to over 10 species of rhododendrons, with 8 found in Primorye. Only one species grows near Vladivostok, and it is the sharp-lobed rhododendron that needs protection. Thanks to botanist Sigismund Kharkevich, this rare flower became one of Vladivostok's two official symbols, alongside the Amur tiger, in 1994. Interestingly, Vladivostok is Russia's only city with legally recognized natural symbols. The rhododendron celebrated a special anniversary in 2024.

в 2024 году это растение отмечает своего рода юбилей.	
Уличный фестиваль «На гребне» Дальневосточный гребешок - вкусная «гордость» Владивостока. Гребешок – самое вкусное, что может только отыскаться в море. Внутренности этого двустворчатого плоского моллюска с рифлёной раковиной светлого цвета, похожей по форме на женский гребень для волос, подразделяются на «пятак» (толстый кружляк, нежная большая белая мышца) и «мантию» (разного рода оборочки и белковые кружева по периметру раковинки). Можно чуть поджарить, можно есть сырым с соевым соусом прямо из раковинки. Каждый год на фестивале шеф-повара ресторанов-участников создают авторские блюда,	Street Festival "Na Grebne" (On the Crest) The Far Eastern scallop is a delicacy and a source of pride for Vladivostok. It's one of the finest treasures of the sea. This flat, ridged bivalve has a light-colored shell shaped like a woman's hair comb. It holds two main parts inside: the "pyatak" - a thick, tender white muscle and the "mantle", a delicate fringe of protein-rich lace around the edge of the shell. You can lightly sear it or eat it raw with soy sauce straight from the shell. Top chefs create signature dishes every year at the "Na Grebne" festival. And the Far Eastern scallop always takes the center stage.

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

главный продукт которых — дальневосточный гребешок.	
---	--

Золотой мост	Zolotoy Bridge
Мост через Золотой Рог — важная транспортная артерия, соединяющая мыс Чуркин с центром города. Его внешний облик характеризуется некоторыми особенностями. Опоры моста по своим очертаниям очень похожи на английскую букву «V». Также Золотой мост входит в десятку самых крупных вантовых мостов в мире. В проекте разработки учитывались природные особенности Приморского края. В вечернее время суток мост окрашивается специальной подсветкой. Золотой мост — один из трех мостов, построенных за последние несколько лет во Владивостоке. Он по праву может считаться главным символом и визитной карточкой города. Лучшие виды на мост открываются с видовой площадки Орлиное гнездо, видовой площадки около Приморской сцены Мариинского театра, с видовой площадки Морского вокзала.	The bridge over Golden Horn Bay is a key transport route linking Churkin Cape with downtown Vladivostok. Its design has a shape similar to the letter "V". It also ranks among the top ten largest cable-stayed bridges in the world. Engineers carefully considered Primorye's natural conditions while designing the bridge. It glows with special illumination at night adding to the city's charm. The Golden Bridge is one of three major bridges built in Vladivostok in recent years and rightfully stands as one of the city's main symbols. You can visit the Eagle's Nest observation deck, or the deck near the Primorsky Stage of the Mariinsky Theatre, or the Marine Passenger Terminal viewpoint for the best views.
Красноярск	
Фестиваль-праздник «Енисейская уха»	Yenisei Ukha culinary festival
Фестиваль-праздник «Енисейская уха» — ежегодный праздник рыбаков и ухи, который проводится во второй декаде июля в поселке Усть-Кемь в Енисейском районе. Праздник собирает на берегах реки Енисей тысячи зрителей и участников не только из городов и районов Красноярского края, но и из других регионов Сибири. Главной героиней колоритного события, конечно же, становится уха, приготовленная на костре из различной рыбы, выловленной в Енисее. В кулинарном состязании определяют	The Yenisei Ukha culinary festival is an annual celebration of fishing and traditional fish soup. Thousands of visitors from Krasnoyarsk Krai and beyond gather on the banks of the Yenisei River to enjoy this vibrant event. The highlight of the festival is ukhá, a rich fish soup cooked over an open fire with fresh Yenisei fish. Chefs compete for the titles of best traditional ukha, best professional ukha and best cold fish dish. Guests can taste a variety of fish delicacies and hot, freshly cooked ukha.

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

лучшую народную уху, лучшую профессиональную уху, лучшее холодное блюдо из рыбы, а каждый гость	The festival isn't just about food. It also features fishing contests, craft workshops, puppet shows, games, film screenings and
---	--

при этом может отведать любые рыбные блюда и продегустировать горячую свежесваренную уху. Кроме кулинарных подворий, для гостей праздника проходят конкурсы на самый богатый улов, мастер-классы ремесленников, кукольные спектакли, игровые программы, показы мультфильмов и фильмов. Завершается праздник концертом, песнями у костра, дискотекой и фейерверком	concerts. The night ends with campfire songs, a disco and fireworks.
Часовня Параскевы Пятницы Этот памятник архитектуры и истории стал символом Красноярска. Часовня стоит за рекой Кача на вершине Караульной горы. Ранее там находилось языческое капище татар-качинцев. Затем казаки установили сторожевую вышку и предупреждали жителей о вражеских набегах. В 1805 году на этом месте купец Новиков срубил и отделал деревянную часовню, в память о своем счастливом спасении из водоворота речного порога. Восьмигранное кирпичное здание является заметным ориентиром, отмечающим лучшую видовую точку города и важным элементом его панорамы. Грани восьмерика прорезаны четырьмя оконными проемами с полуциркульным завершением (на восточной "алтарной" грани окно ложное). Ребра объема подчеркнуты пилястрами, переход к шатру оформлен килевидными кокошниками, форма которых повторена в обрамлении проемов. Окна прикрыты, обновленными по старому узору коваными решетками. В престольные праздники к часовне дважды в году устраивался крестный ход от кафедрального собора. Горожане по обету ходили к Девятой Пятнице, чтобы	Paraskeva Pyatnitsa Chapel This historic and architectural landmark has become a true symbol of Krasnoyarsk. The chapel stands on Karaulnaya Hill across the Kacha River, where a pagan shrine of the Tatar-Kachin people once existed. The Cossacks built a watchtower later to warn the town of enemy attacks. Merchant Novikov (the famous Russian writer and philanthropist most representative of the country's Enlightenment) constructed a wooden chapel to honor his miraculous escape from a river whirlpool in 1805. The current eight-sided brick chapel marks one of the best viewpoints in the city and plays a key role in its skyline. Pilgrims walked here for centuries to pray for marriage, children or healing. Believers held religious processions from the cathedral to the chapel twice a year.

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

вымолить себе жениха, невесту, детей или избавление от болезней.	
--	--

Варенье из шишек Эксклюзивный привет из Сибири, концентрированный вкус тайги – это варенье из шишек! Молодые шишечки сосны собирают в начале лета и долго варят с сахаром, выдерживая определенную температуру. Варенье насыщено ароматами хвои и смолы, а нежные шишки, вываренные до мягкости, можно есть. Пара ложек сиропа, крепкий горячий чай, шишечка на десерт – словно в баньке побывал. Рецепт от зимнего одиночества и осенней хандры.	Pine Cone Jam (Varenye) This one-of-a-kind Siberian delicacy captures the essence of the taiga, and it is the best way to send regards from Siberia. When early summer comes, people pick young pinecones and slowly simmer them with sugar at just the right temperature. The jam is rich with the aroma of pine and resin, and the softened cones are completely edible. A spoonful of syrup, a hot cup of tea, and a pinecone for dessert feels like stepping into a cozy banya (Russian sauna). This is the perfect cure for winter blues and autumn melancholy!
Национальный парк «Красноярские Столбы» Национальный парк «Красноярские Столбы» – удивительный по красоте и разнообразию, потрясает масштабными и разнообразными ландшафтами, уникальной сибирской природой. «Красноярские Столбы» по праву являются визитной карточкой, брендом Красноярского края и города Красноярска, любимым местом отдыха красноярцев, которые заряжаются здесь энергией и здоровьем. Это старейшая в России особо охраняемая природная территория, созданная в 1925 году по инициативе местных жителей для сохранения живописного уголка от варварской рубки леса и добычи природного камня. Национальный парк расположен на северо-западных отрогах Восточного Саяна. Площадь его – 48 066 га. Территория, вытянутая на 34 км с северо-запада на юго-восток, представляет собой типичный участок среднегорного таежного ландшафта.	Krasnoyarsk Pillars (also known as Stolby) national park This stunning national park amazes visitors with its diverse landscapes and unique Siberian nature. Krasnoyarsk Stolby is a true symbol of the region and a favorite escape for locals who come to recharge and enjoy the outdoors. Its story began in 1925 when residents took action to protect this scenic area from deforestation and stone mining, making it one of Russia’s oldest nature reserves. The park covers 48,066 hectares and stretches 34 km through the Eastern Sayan foothills (a mountain range in southern Siberia). Its main attraction is the giant syenite rock formations shaped by nature into towers, animals and mythical creatures. Around one million visitors explore this natural wonder every year.

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

Предельная высота от 200 до 840 м над уровнем моря. Самая высокая точка находится на Кайдынском хребте.	
--	--

Границы нацпарка: северная – р. Енисей, северо-восточная – р. Базаиха, южная – р. Мана. Основной достопримечательностью территории Саянских отрогов стали сиенитовые скалы, по велению природы принявшие облик исполинских великанов с угадываемыми очертаниями людей, животных и мифологических существ, с уникальной структурой ходов и лазов. Рекреационную зону ежегодно посещают около 1 миллиона человек.	
Астрахань	
Астрахань - исторический центр российского арбуза Астрахань, расположенная на берегу Волги, славится своими арбузами, которые выращиваются здесь по традиционным технологиям. Астраханские арбузы, местных сортов, выращенных в низовьях Волги, поражают своим разнообразием. Арбузы в Россию попали через Астрахань, куда их впервые завезли золотоордынцы. С тех пор арбузы стали неотъемлемой частью стола золотоордынских правителей и знатных вельмож. Эти сочные и освежающие фрукты были незаменимыми спутниками воинов-кочевников, которые брали их с собой в походы. Арбузы служили не только источником воды, но и пищей, которая давала силу и освежала во время долгих походов. Сегодня астраханские арбузы продолжают радовать своим разнообразием и неповторимым вкусом. Они являются не только символом этого региона, но и одним из главных достояний российского	Astrakhan – The Historic Heart of Russian Watermelons Astrakhan stands on the Volga River and takes pride in its watermelons grown with the help of traditional methods. Farmers cultivate local varieties in the Volga Delta and offer an impressive selection of flavors and sizes. The Golden Horde (Mongol empire that ruled parts of Russia, Ukraine, and Central Asia in the 13th–15th centuries) brought watermelons to Astrakhan, making them a staple for rulers and noble families. Nomadic warriors relied on these juicy fruits for both food and hydration during long journeys. Astrakhan watermelons continue to delight with their rich taste and variety. They represent not only the region’s symbol but also a treasure of Russian agriculture. Visitors can discover their unique flavor and connect with the region’s deep history.

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

бахчеводства. Так что, если вы хотите насладиться настоящими астраханскими арбузами, обратите внимание на местные сорта, выращенные в низовьях Волги. Их уникальность и неповторимый вкус оставят в вас незабываемые впечатления и позволят окунуться в богатую историю и культуру этого удивительного региона.	
Астраханский кремль Астраханский кремль — жемчужина архитектуры Нижнего Поволжья, место притяжения, культурного досуга как для всех астраханцев, так туристов региона. Это яркий пример военного и гражданского зодчества средневековой России. Сегодня является центром туризма и культуры Астраханской области. Астраханский кремль — одно из первых мощных крепостных сооружений Московского государства. Был построен с учетом передовых достижений военной оборонной науки 16 века. Высота его стен достигает 11 м, длина — более 1,5 км, а — толщина 2,8 до 5,2 метров. Комплекс включает 7 башен (было 8, одна не сохранилась до наших дней), Пречистенские и Никольские ворота, а также соборы, монастыри, часовни, храмы, казармы, складские помещения и многое другое. Общая площадь ансамбля 11 гектар. Интересно расположение Астраханского кремля. Построен на острове, на естественном холме, называемом Заячий бугор. Место было выбрано не случайно. Воды рек Волги, Кутумы и Царева ерика, а также глубокое солончаковое болото делают крепость практически неприступной. Кремль имеет форму длинного и узкого треугольника, каждая из сторон которого укреплена тремя башнями.	Astrakhan Kremlin The Astrakhan Kremlin is a gem of Lower Volga architecture and a favorite cultural spot for both locals and tourists. This fortress showcases medieval Russian military and civil architecture. Builders used the latest defense technologies of the 16th century to create one of the first strongholds of the Moscow state. Its walls rise 11 meters high, stretch over 1.5 km and measure 2.8 to 5.2 meters thick. The complex includes seven towers, historic gates, cathedrals, monasteries, chapels, barracks and storage buildings. The Kremlin stands on a hill surrounded by rivers and swamps, making it nearly impenetrable. Its long, narrow triangle shape has three towers on each side.

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

Памятник «Осётр» Памятник осетру в Астрахани не только необычная скульптура, но и украшение города. Это неслучайно. Издавна Астрахань была центром рыболовного промысла. Волга и Каспий всегда щедро одаривали людей своими богатствами. Астраханцы чтут традиции рыболовства и регулярно проводят фестивали, посвященные рыбному богатству, в городе установлено несколько памятников наиболее ценным породам рыб, обитающим в низовьях Волги и являющимся поводом для гордости астраханских рыбаков. Один из таких памятников находится недалеко от городской набережной. Это памятник рыбе-кормильцу – осетру. Обитал он здесь когда-то в огромных количествах и стал настоящим символом города. Осётр был основной добычей местных рыбаков, по рассказам старожилов, некоторые особи достигали в длину до семи метров. Эта рыба была подлинным украшением праздничных обедов знати и пиров самих российских правителей.	Monument to the Sturgeon The Sturgeon Monument is more than just a sculpture; it is a symbol of Astrakhan and a proud reminder of its fishing heritage. Astrakhan thrived as a fishing center for centuries, with the Volga and the Caspian Sea providing abundant resources. Locals honor fishing traditions through festivals and monuments dedicated to valuable fish species from the Volga Delta. One of the most famous stands near the city's embankment as a tribute to the sturgeon, the city's lifeline. Sturgeons were once plentiful, and some grew up to seven meters long. This fish played a key role in local trade and often appeared on the Tsars' feasts.
Лотос каспийский Жемчужина Астраханской дельты – лотос или как его еще называют «каспийская роза». В дельте Волги находятся самые большие лotosовые «клумбы» этого цветка в мире. Общая площадь полей астраханских лotosов в дельте Волги и взморья Каспия превышает сотни гектаров. Поэтому астраханский лotos по праву считается одним из главных символов края. В честь лotosа названы местный судостроительный завод и астраханская	Caspian Lotus The Caspian lotus (also called the "Caspian rose") is a true gem of the Astrakhan Delta. The Volga Delta holds the largest lotus fields in the world, covering hundreds of hectares. This stunning flower has rightfully become a symbol of the region. Astrakhan honors the lotus in many ways. A shipbuilding plant and a local TV and radio station bear its name. Even the Moscow-Astrakhan train features a lotus-themed design. No one knows exactly how lotuses appeared in the Volga Delta. Some believe

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

телерадиокомпания. А из Москвы в Астрахань ходит фирменный поезд «Лотос» со стилизованным изображением этого цветка на вагонах. Происхождение лотосов в дельте Волге неизвестно – на этот счет существует несколько предположений. Кто-то считает, что цветок сохранился как реликтовое растение с третичного периода; другая теория гласит, что долины лотосов в Астрахани появились благодаря странствующим купцам или монахам-буддистам. Находясь под охраной государства, являясь официальным символом региона, каспийский лотос максимально воспользовался преимуществами своего статуса и образовал ни много ни мало, а одну из самых больших в мире популяций площадью более пятидесяти тысяч гектаров.	they are ancient relics, while others think traveling merchants or Buddhist monks brought them centuries ago. Nowadays, the Caspian lotus enjoys protection and grows into one of the world's largest lotus populations, covering over 50,000 hectares.
Барнаул	
Демидовская площадь	Demidov Square
Демидовская площадь — одна из старейших площадей Барнаула. Она расположена в историческом центре города. Демидовскую площадь называют «уголком Петербурга» — ее архитектурный ансамбль выдержан в духе строгого классицизма. Демидовская площадь является первой парадной площадью города Барнаула. Ансамбль площади включает в себя здание Горного госпиталя, горного училища, богадельни для инвалидов сереброплавильного завода с церковью Дмитрия Ростовского. В центре площади находится метровый обелиск, установленный в честь 100-летия горного производства на Алтае (заложен в 1825 г. и возведен в 1839 г.). Он является первым в России	Demidov Square is one of Barnaul’s oldest squares in the historic city center. People call it "a piece of St. Petersburg" because its buildings follow the strict classical style. It was the city’s first ceremonial square. The square features the Mining Hospital, Mining School and an almshouse with the Church of Saint Dmitry of Rostov. The 14-meter obelisk stands in the center to honor 100 years of mining in Altai. Its construction took place between 1825 and 1839 and it became Russia’s first monument honoring human labor.

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

обелиском, посвященным труду человека.	
Доменная медеплавильная печь Плавильная печь – один из символов промышленного производства XVIII века как отражение исторического прошлого, олицетворение образования города Барнаула как горного города. С 1771 года он официально получил необычный титул "Горный город Барнаул" - за то, что наш сереброплавильный завод был крупнейшим в Российской империи предприятием по выплавке серебра.	Blast Furnace The blast furnace stands as a symbol of 18th-century industry, reflecting Barnaul's historical roots as a mining city. It embodies the city's past and its role in metal production. Barnaul officially earned the unique title "Mining City of Barnaul" in 1771. This honor recognized its silver smelting plant which was the largest in the Russian Empire and played a key role in the country's industrial development.
Нагорный парк Нагорный парк – это одно из самых популярных мест в Барнауле: с этого места начинается самый протяженный в мире ленточный бор, рядом протекает самая полноводная в стране река Обь. Парк находится в историческом центре города, с него открывается панорамный вид на Барнаул, здесь расположены объекты культурного наследия. Барнаульский Нагорный парк появился в 1930-е годы. В истории этого парка отразились важнейшие вехи развития города. В 18-19 веках располагался храм Иоанна Предтечи. В советское время в нагорной части располагался ВДНХ, что также делало это место самым популярным в городе. После закрытия ВДНХ посещаемость территории значительно уменьшилась. Лестница и Нагорный парк стали культурным объектом, частью городской панорамы, которая встречает всех въезжающих в город. И вместе с набережной, высотной застройкой прибрежной территории речного	Nagorny Park Nagorny Park is one of Barnaul's most popular places. It marks the beginning of the world's longest ribbon forest, with the mighty Ob River flowing nearby. The park is located in the historic city center. It offers a panoramic view of Barnaul and features cultural heritage sites. Nagorny Park took shape in the 1930s, and its image always reflected all the key moments in the city's history. St. John the Baptist Church stood here in the 18th and 19th centuries. The Soviet government later replaced it with VDNKh (Exhibition of Achievements of National Economy), which became a major attraction. The park lost many visitors after VDNKh closed. Today, the park and its grand staircase form an iconic part of Barnaul's skyline. The park, the embankment, modern high-rises and famous white letters (letters forming the BARNAUL word on one of the park hills) form a beloved landmark for both locals and tourists.

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

вокзала, знаменитыми белыми буквами Нагорный парк теперь составляет ансамбль, который очень нравится не только горожанам, но и туристам.	
Бешбармак - национальное блюдо Алтая В качестве праздничного блюда на Алтае, так же как и в Казахстане и Киргизии, готовят бешбармак. Это обильная мясная еда, которая заменяет сразу и первое, и второе блюдо. Для него требуется мясо двух или лучше трёх видов – баранина, говядина, конина или козлятина. Отварное мясо заворачивают в кусочки лапши и едят, запивая горячим бульоном. Для бешбармака накрывают дастархан, ставят красивую посуду. Это блюдо демонстрирует уважение к гостям, особенно старшим, которым уже трудно жевать. И чем мельче и тщательнее разобрано мясо, тем больше уважения.	Beshbarmak People cook beshbarmak in Altai, Kazakhstan, and Kyrgyzstan for special occasions. This hearty meat dish replaces both the first and second courses in a meal. Cooks use two or three types of meat: lamb, beef, horse meat or goat meat. They boil the meat, cut it into pieces and wrap it in noodles, serving it with hot broth. Hosts set the dastarkhan (traditional dining space) with beautiful dishes to honor their guests. This meal shows respect, especially for elders who find chewing difficult. The thinner and more carefully one cuts the meat, the greater the respect.
Архангельск	
Музей-заповедник «Малые Корелы» Малые Корелы — музей деревянного зодчества и народного искусства, предлагающий совершить увлекательное путешествие во времени и пространстве. Это портал, переносящий в атмосферу былинного Севера, где на каждом шагу ждёт сказка — высокие рубленые избы и торжественно-изящные храмы, колоритные северные виды, знаменитые лестницы переходов, горячий иван-чай под мелодичный звон колоколов, лиричная песня над двинским простором или цветастый хоровод широкого праздника.	Malye Korely museum Malye Korely is a museum of wooden architecture and folk art that takes visitors on a fascinating journey through time. This place feels like a portal to the legendary Russian North, where every step brings a fairy tale to life. Towering log houses and elegant churches stand in harmony with scenic northern landscapes. Famous covered staircases connect the buildings while the aroma of hot Ivan chai (the Prized Tea of Ancient Russia) drifts through the air. The sound of church bells and folk songs invite guests to join in a colorful, joyful celebration.

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

Архангельский водорослевый комбинат Архангельский водорослевый комбинат — предприятие с более чем вековой историей, было основано еще в царской России во время Первой мировой войны, когда возникла острая потребность в промышленных объемах кристаллического йода для лечения раненых солдат. Первый завод по производству йода из морских водорослей был введен в эксплуатацию в 1918 году.	Arkhangelsk Seaweed Factory The Arkhangelsk Seaweed Factory has been in operation for over a century. It began during World War I in imperial Russia when the country urgently needed crystalline iodine to treat wounded soldiers. The first iodine extraction plant started working in 1918, marking the beginning of the industry development. Today, the Arkhangelsk Seaweed Factory specializes in harvesting and processing Arctic seaweed, making a range of products, including food supplements, cosmetics, pharmaceutical substances and raw materials for various industries.
Национальный парк «Русская Арктика» Национальный парк «Русская Арктика» — самая северная и первая по величине особо охраняемая природная территория России. Парк расположен на двух полярных архипелагах в Архангельской области: Новая Земля и Земля Франца-Иосифа которые по праву можно назвать «краем земли». Постоянно проживающего населения в «Русской Арктике» нет. Задача национального парка — сохранение культурного, исторического и природного наследия Западного сектора Российской Арктики. На территории парка обитают гренландский кит, нарвал, белуха, атлантический морж и белый медведь.	Russian Arctic National Park The Russian Arctic National Park is Russia's northernmost and largest protected area. It spans two polar archipelagos in Arkhangelsk Oblast: Novaya Zemlya and Franz Josef Land. This remote land truly feels like the edge of the world. No permanent residents live in this remote region. The park's mission is to preserve the cultural, historical, and natural heritage of the Western Russian Arctic. Its vast territory is home to bowhead whales, narwhals, belugas, Atlantic walruses and polar bears, making it a crucial sanctuary for Arctic wildlife.
«Поморский голубок» или щепная птица счастья» Поморский голубь или «Птица счастья» — резная деревянная игрушка, которая полюбилась жителям	"Bird of Happiness" or Pomor dove The Pomor Dove or "Bird of Happiness" is a carved wooden toy that became a beloved symbol across the Soviet Union. The

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

Советского Союза. В 70-х годах прошлого столетия птичку начали массово производить на предприятии «Беломорские узоры». Поморский голубь — не просто российский, а традиционный архангельский сувенир, который был придуман именно здесь. Предприятие народных художественных промыслов «Беломорские узоры» и по сей день выпускает знаменитых на всю страну «Птиц счастья» — как расписных, так и традиционных без рисунка.	Belomorskie Uzory factory (folk craft enterprise) began mass-producing this charming bird in the 1970s. The Pomor Dove is more than just a Russian souvenir; it is a true Arkhangelsk tradition. Local artisans created it here, and the Belomorskie Uzory craft enterprise still makes these famous birds today. They come in both hand-painted designs and the classic natural wood finish, preserving a piece of northern heritage for generations to enjoy.
Сочи	
Магнолия крупноцветковая В советское время цветущие ароматные деревья, в изобилии растущие на приморских набережных и вокруг танцплощадок Сочи, привлекали к себе внимание поэтов. Так в 80-х годах родилась песня о городе-курорте «В краю магнолий». Магнолии давно считаются негласным символом курорта. К тому же это одни из самых узнаваемых цветов в Сочи.	Southern magnolia Poets admired the fragrant magnolia trees that grew abundantly along seaside promenades and dance floors in Sochi during the Soviet era. Their beauty inspired the 1980s song "In the Land of Magnolias" dedicated to the resort city. Magnolias have remained an unofficial symbol of Sochi for decades. Their elegant blossoms make them one of the most recognizable flowers in the region.
Мацеста: знаменитая здравница Сочи Мацеста - живительная волшебная водолечебница. Название «Мацеста» имеет несколько версий появления. Одна из них — абхазская: «место, куда ударила молния». Другая — адыгейская: «огненная вода» — из-за того, что при соприкосновении с ней на коже чувствуется лёгкое жжение и покраснение. Именно эти источники дали рождение городу Сочи как курорту и снискали ему славу всероссийской здравницы.	Matsesta: Sochi's Famous Health Resort Matsesta offers healing waters that feel almost magical. Different theories explain the origin of its name. One Abkhaz (republic in northwestern Georgia) version translates it as "the place where lightning struck". Another Adyghe (another republic in northwestern Georgia) version calls it "fiery water" because the mineral-rich springs cause a slight burning sensation and redness on the skin. These unique thermal springs played a key role in shaping Sochi as a resort city. Their healing properties earned Sochi its reputation as Russia's top health retreat.

Продолжение Приложения Б

Продолжение таблицы Б.1

Сочинский национальный парк Сочинский национальный парк — это огромный музей под открытым небом, в котором собрана богатейшая коллекция природных и рукотворных экспонатов: редкие растения и животные, в том числе реликтовые и занесенные в Красную книгу, красивейшие водопады, пещеры, каньоны и ущелья, озера и источники с минеральной водой, древние дольмены и курганы, старинные крепости и храмы. И все эти бесценные сокровища открыты для туристов круглый год. Территория Сочинского нацпарка простирается от Туапсинского района на северо-западе до границы с Абхазией на юго-востоке и от побережья Черного моря до Главного Кавказского хребта.	Sochi National Park Sochi National Park feels like a giant open-air museum filled with natural and cultural treasures. Visitors can explore rare plants and animals, including relic species and those listed in the Red Book. The park features breathtaking waterfalls, caves, canyons, gorges, lakes and mineral springs. Ancient dolmens, burial mounds, fortresses and temples add to its unique charm. Tourists can enjoy these wonders year-round. The park stretches from Tuapse District in the northwest to the Abkhazian border in the southeast and reaches from the Black Sea coast to the Main Caucasus Range.
Чурчхела Чурчхела — это сладкое лакомство, которое готовят из виноградного сока, муки и орехов. Родина чурчхелы — Грузия. В этой стране блюдо отнесено к национальной кухне, а рецепты лакомства передаются из поколения в поколение. Название происходит от двух слов: «чхур», что означает холодный, и «чхер» — горячий. Таким образом дословно чурчхела переводит как «холодно-горячо», что отражает технологию ее приготовления. Является одним из самых популярных сувениров, которые везут из Сочи.	Churchkhela candy Churchkhela is a sweet treat made from grape juice, flour and nuts. Georgia is its homeland, where people consider it a national dish and pass down recipes through generations. The name comes from two Georgian words: "chkhur" (cold) and "chkher" (hot), reflecting the unique cooking process. The mix of hot and cold steps gives it its special texture. Georgian traders and migrants brought churchkhela to Sochi where it quickly became a favorite local treat. Visitors often take churchkhela home as a souvenir, making it one of the most popular delicacies in the region.